

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

**ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА**

**КОГДА
БОГИ
ЗАКРЫВАЮТ
ГЛАЗА**

Татьяна Степанова

Когда боги закрывают глаза

«ЭКСМО»

2013

Степанова Т. Ю.

Когда боги закрывают глаза / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62953-4

Научный мир потрясен сенсацией: под слоем бескрайних льдов Антарктики найден микроорганизм неизвестного происхождения. Позже следы ТФ, уникального «Проекта Тефида», обнаружались в ближайшем Подмосковье, когда близ аэропорта «Райки» неизвестные обстреляли машину полиции и взорвали мост, только чтобы добраться до содержимого металлического контейнера. А несколько дней спустя на другом конце Москвы в недостроенной больнице, давно уже ставшей местом поклонения сталкеров, на участников экстремальной экскурсии напал чудовищный монстр. Дело сразу получило громкую огласку. И вот теперь Екатерине Петровской, криминальному обозревателю пресс-центра ГУВД Московской области, предстоит разобраться с последствиями сенсационного открытия, ведь если не остановить чернокрылую богиню ночи Тефиду прямо сейчас, то дальше останавливать ее уже будет некому...

ISBN 978-5-699-62953-4

© Степанова Т. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	46
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Степанова

Когда боги закрывают глаза

Природа-вседержительница скоро изменит все, что ты видишь, и создаст что-нибудь другое, а затем и еще что-нибудь новое, дабы вечно юным пребывал мир.

Марк Аврелий

Глава 1

Лето в Антарктиде

78°28' южной широты, 106°46' восточной долготы.

Российская антарктическая станция «Восток»

7 февраля 2011 года

Свет и тьма льнут друг к другу. Солнце и непроглядный мрак, там, на многокилометровой глубине, жаждут соединиться, вонзиться сияющими лучами, сковать холодом вечной ночи, окутать тенью, сокрыть, утащить на дно, вспороть вспышкой света, зажигая солнечный огонь глубоко внутри. Чтобы свет захлебнулся тьмой, чтобы тьма забеременела светом, поглощая друг друга без остатка, растворяясь, источая новые соки, высекая искры из скал, взбаламучивая пески, преображаясь, затихая на мгновения и снова вскипая от страсти.

И только льды преграда любви.

Песни китов в океане, там, за границей льдов.

И солнце, что слепит глаза без пощады в разгар антарктического лета в месяце феврале.

Да, совершенно точно. Стояло лето в разгаре, а на календаре – февраль. И с этим приходилось считаться Ивану Лыкову – старшему инженеру-механику. Он давно уже привык к подобным вещам: календарь наоборот, сюрпризы Южного полушария. И этот огненный шар над горизонтом, и относительно «легкий» полуденный морозец этак в тридцать пять градусов. День и ночь сводящий с ума гул могучего бура в ледяной штольне там, в заботливо возведенном над местом бурения ангаре. И эта колкая, ранящая взгляд искристость льда. И постоянный ветер, дующий с Южного полюса.

К подобным вещам Иван Лыков, инженер-механик антарктической станции «Восток», отмотавший здесь уже вторую свою зимовку, не считая летних производственных контрактов, привык.

Но с некоторых пор тут на станции стали происходить иные вещи. И вот это и разрушило весь баланс. Весь с таким трудом выстроенный, выстраданный баланс после той, другой жизни там, в Москве, после жизни в квартире в старом доме у станции метро «Автозаводская». После сестры Анны.

Старшая сестра Анна вышла замуж за бельгийского дантиста и уехала. Теперь у нее дом в деревушке Ватерлоо – той самой, «Лендровер», собака ретривер, муж и уже двое детей. Время все меняет, все лечит.

Когда-то это самое время тут, на антарктической станции «Восток», текло, пролетало, шло шагом, тянулось, сочилось по капле незаметно. То есть в этом инженер-механик Иван Лыков мог поклясться, но лишь лично для себя.

Другие сотрудники станции – ученые, инженеры, спецы из питерского Горного института, обслуживающий персонал – имели, видимо, каждый свой собственный счетчик времени.

И это самое время неумолимо приближало их всех. Вот только к чему?

Кто-то твердил о невероятном прорыве.

О величайшем, интереснейшем открытии.

Кто-то говорил о тайне природы.

Кто-то твердил о Боге, который все так устроил, нагромоздил всю эту многокилометровую толщу льда за миллионы лет, словно специально преграждая туда путь. Чтобы все оставалось как есть, запечатанным и нетронутым.

А некоторые, как, например, помощник инженера по буровым установкам Коньков, вообще плели черт знает что, насмотревшись фантастических боевиков по Интернету.

Иван Лыков здесь, на станции, вообще говоривший мало, не любивший особо трепать языком, слушал всех. Все эти разговоры, пересуды, сплетни, переговоры по радио с грузовыми кораблями, треп по-английски, по-французски, по-испански на кампусе, в лаборатории и в столовой, когда на станцию высаживался очередной десант наших и иностранных ученых.

Он слушал всё и всех, но больше доверял тому неумолчному гулу, который исторгали из себя моторы буровых механизмов, которые он любил и лелеял как собственных детей.

Где-то там внизу, в ледяной штольне на глубине почти четырех километров, бур продолжал вгрызаться в толщу антарктического льда.

Они следили за работой на мониторах компьютеров.

Там, подо льдом, куда ни кинь взгляд, лежало озеро Восток.

Гигантское зеркало.

Закупоренное намертво льдами Антарктиды.

Отсеченное от нашего мира, когда Земля была совсем молодой.

– Добро обязательно должно победить зло. Так?

Нет ответа. Лишь эта искристая колкость, эта колючая искристость льда. Ветер и солнце, жалящее глаза даже сквозь темные очки. Эта сводящая с ума белизна, непорочность пейзажа.

– Я к тебе обращаюсь, я спрашиваю тебя. А если ни добра, ни зла? Как здесь. Если только одни льды? И солнечная пустота. И лето в феврале?

– Ты пьяный, что ли? – Иван Лыков нехотя обернулся.

Он стоял среди торосов и смотрел на хорошо знакомые ему строения – ангары, дизельную электростанцию, радиодом и саму «базу», где проходила вся их жизнь на «Востоке».

Отсюда с приличного расстояния открывался потрясающий вид – почти рядом с радиодомом один за другим садились вертолеты. Два наших грузовых с корабля, два американских тоже с корабля с надписью NASA. И потом через четверть часа еще два вертолета – новых, без опознавательных знаков.

У ангара с мототехникой сутились люди. Трактор, рыча, чистил запасную посадочную площадку от снега. На станции сегодня царило невероятное оживление. И не было отбоя от посетителей.

Кто полетит на вертолете с корабля в такую даль в глубь Антарктиды? В мороз, пусть и «легкий» по местным меркам, в тридцать пять градусов? Ответ: только те, кому это очень нужно. Позарез.

Неужели время пришло?

– Слышь, Вань, сегодня официально объявят, что все работы по бурению будут приостановлены до будущего года. Но мы бурим дальше. Американцы привезли робот-крибот. По сути, тут, на станции, вводится до поры до времени режим некоей секретности.

Иван Лыков смотрел на помощника инженера Конькова, который его допекал, нарушая уединение. Небольшого росточка, бритый под ноль, жизнерадостный, помешанный на пришельцах и фильмах про пришельцев, питерский, холостой (в Питере осталась горячо любимая мама и волнистый попугайчик). В оранжевой пуховой куртке здорово смахивающий на Винни-Пуха.

– Зонд-крибот, как торпеда, там у него носовая часть разогревается, и с помощью гравитации он опускается в нашу штольню, а потом уже на глубине он сам начинает внедряться,

растапливая лед. Там электроники до черта напихано, сплошные датчики, я видел. Сканеры, анализаторы газа, и забор проб он тоже производит, – Коньков возбужденно махал руками. – Все просто ошалели – и наши, и ихние, и норвежцы прикатили на вездеходе со своей станции. Оборудование на сто миллионов долларов. И знаешь для чего все это? Они хотят получить повторную аналогичную пробу в ледовом керне. А потом, когда доберемся до самой воды, до озера, из воды тоже...

– Мы до озера еще не скоро доберемся, не в этом году, – сказал Лыков.

– Вот! Вот потому-то и весь этот бум. Они хотят во что бы то ни стало еще одну пробу получить из нового керна. Аналогичную той. Сколько пытались уже. Поэтому и зонд-криобот тут. Это не обкатка оборудования NASA, пусть хоть нам-то в глаза не врут. Какая, к черту, обкатка, проверка оборудования, кто и когда еще к этому спутнику Юпитера, к этой Европе полетит, не при нашей жизни это, старичок. Нет, и у наших, и у американцев другая цель. Они хотят аналогичную пробу с аналогичным содержимым. В том керне, что мы тогда извлекли...

Когда Иван Лыков, завербовавшийся по контракту, прибыл на «Восток», работы по бурению подледной штольни к закрытому озеру после многолетнего перерыва из-за безденежья возобновились.

Один сезон, второй сезон, зимовка, потом недолгий отпуск на Большой земле, затем еще один сезон, снова отпуск, на этот раз в тропическом Таиланде с аквалангом, и опять новый сезон работ и новая зимовка.

Он хотел взять отпуск с апреля, с начала антарктической зимы. Но теперь не уедет со станции. Раз тут пошли такие дела, он останется.

Лыков наблюдал, как из вертолета без опознавательных знаков высаживалась группа людей в ярко-синих и алых парках. У одного из встречавших теплая пуховая парка была коричневого цвета. Словно его облили шоколадом с ног до головы в капюшоне.

– Военные прилетели и с ними гражданские, большой бизнес. Значит, большой интерес во всем этом. К той нашей пробе, когда забор делали тестовый из керна, – никогда еще миляга Коньков не выглядел таким взволнованным, так и пылавшим азартом и любопытством, – нанокорпорация опять гонцов прислала, я с одним типом переговорил в столовой – он от концерна «Биотехника», Веретенников его фамилия, Павлом зовут, так он все меня расспрашивал, допытывался. Во-он он, а эти, которые вокруг него, это все сплошь военные, хоть и куртки МЧС напялили, не хотят перед американцами светиться. А у тех тоже на двух ученых из Колумбийского университета трое переодетых цэрэушников. Но наши с этим мирятся. Понимаешь? Все со всеми готовы примириться и все это терпеть – весь этот камуфляж, станция, штольня, бур – наши, криобот-зонд ихний. Значит, дело того стоит, чтобы забыть обо всем, чтобы работать сообща.

Лыков смотрел на военных в куртках МЧС, на менеджера корпорации «Биотехника» Веретенникова – бородача в коричневой парке. Наверное, специально бороду перед поездкой сюда в Антарктиду отпустил: щеки отморозить боится.

Возле бурового ангара кучковалась еще одна солидная группа – ученые. В центре – мощная фигура известнейшего российского полярника и депутата. Его тоже все за глаза зовут Борода. Раз и Борода прилетел из Москвы, бросив все думские дела, значит, дело действительно того... что-то грядет.

Или уже произошло, когда они извлекли тот ледовый керн и взяли пробы на анализ.

– Спецы из «Биотехники» искали тебя, у них там какие-то вопросы по технике бурения.

– Я сейчас приду, – но Иван Лыков не тронулся с места.

Если взглянуть на все это непредвзято, то в общем-то весь этот девственный первобытный пейзаж создан лишь из двух красок – белой, цвет снега и льда, и голубой, цвет небесного свода.

Чаша его переполнена до краев солнечным светом, что не греет тут, не дарит тепла.

Есть еще другие цвета – фиолетовые тени, например, розовая пена облаков, оранжевые пятна, черные точки, пульсирующая радуга, когда закрываешь глаза на секунду.

Кроме четырех основных элементов, тут всегда присутствует пятый. Это пустота. В этом Коньков, наверное, прав. Пустота включает в себя и это небо, и льды, и неизведанное озеро под ними, там, глубоко внизу. Темными ночами в сумасшедший мороз здесь падают звезды с неба и тихо, безмолвно приземляются в снег, застывая все новыми и новыми кристаллами льда.

Но покоя нет и тут. Пятый элемент, именуемый пустотой, покоем, безмолвием, потерял самую главную свою составляющую. В течение нескольких десятков лет на станции «Восток» первобытную тишину нарушал гул буровой установки, ледяная штольня росла, углублялась.

До воды подледного озера остается не так уж и много.

Что там внизу?

– Ты как будто спишь на ходу. Или гредишь, – Коньков потряс Лыкова за плечо. – Что, опять свои таблетки принимал?

– Нет.

– Ты слышал, что я сказал?

– Да, слышал.

– Если из-за одной только пробы из керна такой вселенский ажиотаж поднялся, то что же будет, когда пробьемся к воде? Ты «Секретные материалы» смотрел? А «Нечто»? Голливуд еще когда все это будоражить стал. Да что фильмы, ты в Интернете глянь – сколько пишут. Многие считают, что в озере подо льдами НЛЮ, космический корабль, потерпевший аварию в Антарктиде.

– Там нет никакого космического корабля, ты сам это прекрасно знаешь, – сказал Иван Лыков.

– Пусть так. Тогда что же там есть? Что мы нашли?

На расчищенную трактором запасную площадку у дизельной электростанции садился огромный грузовой вертолет с надписью «Россия» на борту.

Рев его винтов оглушал даже на таком расстоянии.

Иван Лыков зашагал в направлении станции. Что бы там ни объявляли официально о приостановке бурения, какой бы режим секретности ни вводили, сегодня, и завтра, и послезавтра, и через месяц тут, на «Востоке», его рабочий день, его смена. Они будут долбить эту штольню до самого конца. До темной воды.

И если что-то, сокрытое подо льдами миллионы лет, затаившееся, грозное, лишь ждущее своего часа, вырвется на поверхность, значит, так тому и быть. Не в этом ли величайшая тайна природы, жажда познания, более сильная даже, чем инстинкт самосохранения? Они узнают, что там внизу, пусть даже потом погибнет весь мир и они вместе с ним. Они все равно всё узнают.

Глава 2

Девять минут

24 августа 2011 года

17 час. 00 мин.

В Главном зале Центра управления полетами Федерального космического агентства, столь хорошо всем знакомом по многочисленным телерепортажам в новостях, на секунду воцарилась абсолютная тишина.

Две команды операторов – за столами перед светящимися мониторами компьютеров и огромный экран во всю стену, поделенный на три части.

Секунды до старта ракеты-носителя «Союз-У» с грузовым космическим аппаратом «Прогресс» на борту.

Обычный штатный полет грузового корабля к международной космической станции, МКС. Но Главный зал на секунду замер.

В центре большого экрана картина, от которой захватывало дух: серебристая ракета на фоне оранжевых облаков, необычайно земная по своему внешнему виду и техническому исполнению, привычная по тысячам кадров прямых трансляций запусков, фотографиям, фильмам, хроникам и вместе с тем невероятная, фантастически прекрасная, как может быть прекрасным лишь космический корабль, настоящий космический корабль, что вот сейчас... сейчас... сейчас в клубах дыма, в огне, в тучах пыли взлетит...

Через секунду превратится в сияющую точку.

И отправится туда, куда мы все, все без исключения часто смотрим, запрокинув голову, и видим днем синеву, тучи, грозу, солнце, а ночью россыпь звезд.

Мы все смотрим туда, в небо, и хотим там быть.

Но летит туда этот космический корабль «Союз – Прогресс».

На космодроме Байконур за тысячи километров от ЦУПа все тоже на доли секунды затихло.

Порыв ветра умер, наткнувшись, как на упругую стену, на заросли тамариска и джужкузгума, вода реки Сырдарья, пересекающей равнину Байконур, покрылась рябью, знойный вечерний воздух наполнился запахом полыни, пыли, машинного масла, гари.

Обратный отсчет...

В бункере управления на космодроме Байконур и в Главном зале ЦУПа в городе Королеве в Подмоскowie десятки людей разом вздохнули полной грудью.

– Над космодромом погода ясная, погодные условия в норме...

– До пуска четыре секунды... три...

Рев, гул, грохот.

В действие пришли двигатели «Союза», и корабль задрожал, завибрировал, пытаясь сбросить с себя оковы крепежа, что все еще удерживали его на стартовой площадке.

– Три... две... одна... точка невозврата.

Заработали ракетные ускорители. От рева, от турбулентности, казалось, весь Байконур ходил ходуном.

– Полная мощность.

– Есть полная мощность.

Грохот реактивных двигателей, извергающих языки пламени, выхлопные газы цвета смолы, цвета пурпура, цвета пара, пыль, пыль, пыль, пыль...

В ЦУПе на большом экране сдвоенная команда операторов наблюдала, как «Союз – Прогресс» поднимался все выше и выше в этом многоцветном пылающем облаке.

Выше...

Выше...

Туда, наверх, откуда Земля – лишь голубой шар, окутанный мглой, туда, где парит в черноте, в невесомости, в пустоте космоса МКС, обращая все свои солнечные батареи к Гелиосу, ярчайшему из звезд.

Кто видел это, кто это знает, кто это прочувствовал, сделает все, чтобы спасти эту красоту, эту мощь, это великолепие, эту гордость.

Пойдет на все, лишь бы спасти, не дать разрушить или навредить чем-то.

– 17.01 – первая минута полета, полет проходит штатно.

В это время, когда в ЦУПе в Главном зале это сообщение появилось на табло над большим экраном, к которому были прикованы все взоры, в кабинете на третьем этаже без окон, со стенами, представляющими собой целиком один экран монитора, собранный из отдельных сегментов, дающий невероятные возможности слежения за всеми фазами подготовки к старту и запуску, у одного из находившихся в кабинете мужчин зазвонил мобильный телефон.

В кабинете были двое – мужчины среднего возраста в строгих костюмах, один высокий, уже с заметной сединой на висках, другой пониже, полный, лысый. Мобильный зазвонил у того, кто с сединой.

– Аллю, я слушаю.

Кабинет со стенами-экранами полностью звукоизолирован и всегда находится под охраной. Снаружи служба безопасности видит через камеры слежения все, что происходит, все записывается на пленку, все переговоры фиксируются.

Это для будущих расследований, если вдруг возникнет нештатная ситуация при запуске, или же для архива космического агентства, если запуск пройдет гладко, – смотря по обстоятельствам.

Запись переговоров включена.

– Я слушаю, запуск только что прошел нормально... Что?! И вы ставите меня в известность лишь сейчас?!

– Включите громкую связь, – попросил седого полный коллега. – Что случилось?

Громкая связь мобильного включена. На том конце мужской голос. Говорящий даже не пытается скрыть сильное волнение и растерянность.

– Немедленно отложите старт!

– 17.02, вторая минута полета проходит штатно. Разделение первой и второй ступени произошло.

Голос в динамике оператора, «ведущего» полет, – там, в Главном зале, где вся сдвоенная команда уже с головой ушла в работу, и тут, в главном узле связи и контроля, в капитанской рубке, изолированной от внешнего мира.

– Немедленно отложите все!

– Это невозможно, уже идет вторая минута полета. Что происходит?

– Груз. Это все груз на борту «Прогресса».

– Груз стандартный, как обычно. Продукты, свежие овощи, топливо в баках системы дозаправки, медицинское оборудование, предметы гигиены для экипажа, подарки, книги, а также оборудование и материалы для научных экспериментов на борту. Все как всегда. Что случилось?

– Звонили из лаборатории, образцы для эксперимента TF-77 непригодны для транспортировки на МКС.

– Я смотрел утвержденный список, я его подписывал... этот эксперимент в рамках научной программы, мухи-дрозофилы, – сказал полный, стараясь, чтобы в телефоне его услышали.

– Какие, к черту, мухи-дрозофилы, это TF-77, образцы полностью непригодны для транспортировки на МКС.

– И вы нам это говорите только сейчас? Где вы были раньше?!

– 17.03. Третья минута полета проходит в штатном режиме. На четвертой минуте ждем разделение второй и третьей ступени.

Голос оператора в динамике.

– Звонили из научно-экспериментального, там в хранилище датчики контроля и анализа просто взбесились. Все случилось только что. Понимаете, только что! Ситуация развития на 16 часов 50 минут. Не было никакого воздействия, никаких экспериментов с этой частью образца не производилось. Все случилось самопроизвольно. Резкое и неожиданное увеличение массы клеточной культуры исследуемого образца. Всплеск, неконтролируемый всплеск. И они не знают, в чем причина, как и почему это случилось. Они не знают, каковы возможные последствия.

– Вы имеете в виду...

– Да-да, именно это я имею в виду. Угроза бактериологического загрязнения МКС, если «Прогресс» доставит все это на борт.

– Но контейнер можно не открывать!

– Они не ручаются за последствия, они не знают, с чем имеют дело и как это теперь себя поведет даже в контейнере. Вы понимаете? В условиях хранилища тут на земле беспричинно возникла нештатная ситуация, а что случится в космосе? Мы не можем допустить даже тени такой угрозы... даже предположения, что нечто подобное может произойти на МКС. Помните, сколько мучились, когда там завелся этот чертов грибок, а это вам не безобидная плесень, все может оказаться гораздо хуже.

– 17.04. Четвертая минута полета проходит штатно. Разделение второй и третьей ступени произошло.

– Вы слышали? Разделение второй и третьей ступени. Через пять минут мы ожидаем отделение транспортного корабля от ракеты.

– Я уже связался с военными.

– Что?

– Мы не можем допустить стыковку корабля, везущего такой груз на МКС. И на орбите в качестве мусора космического он нам не нужен. Остается лишь один выход.

– Но как мы объясним?

– Пройдет информация о том, что двигатели дали сбой. Быстро рассчитайте траекторию падения обломков «Прогресса», когда он будет сбит континентальной ракетой.

– Оператор, немедленный расчет траектории падения обломков корабля ориентировочно на пятой-седьмой минуте, – срывающимся хриплым голосом скомандовал седый лысый коллега седого.

– Но полет проходит штатно, – голос оператора.

– Без рассуждений, расчет траектории падения обломков. Выполняйте!

– Военные на связи, – донеслось из телефона. – Доложили в Генеральный штаб и наверх. Наземные средства так быстро не развернуть, они его не достанут. Подводная лодка в Арктике, они уже на связи. Они на открытой воде, у Северной Земли, не во льдах. Готовы к пуску ракеты.

– Бог мой, тридцать лет не было катастроф с космическими грузовыми кораблями, – застонал седой. – Подумайте, что начнется, как это воспримут. Такие убытки, потом возникнут проблемы с МКС, ведь следующее полетное окно только через несколько месяцев.

– Я готов к любому развитию событий, – отчеканил голос в трубке. – Но «Прогресс» с потенциально опасным грузом до МКС не долетит.

– Есть траектория падения обломков корабля. Дальность 1570 километров, если это произойдет на 325-й секунде полета. Район падения обломков Алтай, ориентировочно горная лесная местность, удаленность от крупных населенных пунктов, – доложил лысый, получив данные от оператора ЦУПа.

– 17.05. Пятая минута полета проходит штатно, – доложил второй оператор.

– Военные на связи. Команда о запуске ракеты ушла на подводную лодку. Вы верите в Бога, коллега?

Мужчина с сединой на висках, с мобильным телефоном, прижатым к уху, молчал.

ПАУЗА.

– Полет проходит нормально, в штатном режиме. На девятой минуте ожидается отделение грузового аппарата от ракеты-носителя... Боже, что происходит??

Оператор буквально взвыл, потрясенный зрелищем, что внезапно открылось на мониторе.

– Цель успешно поражена. Военные рапортуют, – бесцветным голосом доложил говоривший на том конце мобильного.

– Я вижу, – сказал человек с сединой.

– Я тоже это вижу, – прошептал полный, руки его тряслись. – Такую работу загубили, такой корабль. Можем все коллективно писать заявления об отставке.

– Не об этом сейчас надо сокрушаться. Есть более важные вопросы. Коллеги, возникла нештатная ситуация, – объявил по громкой связи человек с сединой на висках. – Немедленно свяжитесь с представителями конструкторского бюро «Прогресс» и звоните в объединение «Энергия». Я собираю совещание по итогам запуска... то есть по итогам аварии, возникшей при запуске.

Где-то там, очень далеко от ЦУПа, в подмосковном Королеве, от космодрома Байконур, над лесами, над горами, в белых снеговых шапках, крохотная светящаяся точка, так похожая на раскаленную булавочную головку на фоне закатного вечернего неба, вспыхнула ярко-ярко и распалась на огненные части.

Так и не долетев туда, куда мы все так мечтаем попасть.

Глава 3

Шаман говорит

24 августа 2011 года

Алтай, Чойский район

– Это случается лишь после очень холодной и долгой зимы. Такая зима приходит раз в несколько десятков лет, и оно спит, пережидая ее в своем логове. Копит свой лютый голод. Копит свою ярость. И темными ночами, когда ледяная крупа бьется в стекла окон как белый гнус, матери в поселках по всему тракту, матери в горных аилах пугают детей: берегись, оно там, в темноте, в тайге, в горной пещере. Когда почует запах весны, оно выберется наружу для новой охоты. И добыча его – мы.

Тубаларский шаман умолк, затянулся из трубки, глядя на огонь в очаге. Туристы – студенты Токийского университета, совсем притихшие, подвинули ему поближе свои диктофоны. Господин Тосияма Ито, его семидесятилетняя мать Юрико-сан и дочь Сатико-сан склонили ухо, проводник и гид Рюрик Гнедич зашептал им по-японски перевод.

Сергей Мещерский, сидевший тут же у очага в айлу-чуме, опустил голову, чтобы туристы, клиенты турфирмы «Столичный географический клуб», не заметили, что его душит смех.

Эх, и загнул на этот раз великий тубаларский шаман!

Струйки дыма, словно серые нити, устремлялись вверх в отверстие в крыше айлу. Когда стемнеет, можно даже разглядеть звезды в эту дыру. Дождь шел весь день. Но вот чуть-чуть распогодилось к вечеру. Надолго ли?

Инга – менеджер новосибирского филиала туристической фирмы – воспользовалась паузой, потянулась к термосу, желая предложить гостям шамана горячий кофе.

Шаман лишь сердито сверкнул на нее глазами. Великий тубаларский шаман сегодня был явно в ударе, вдохновение распирало его. А двоюродная сестра Инга – менеджер турфирмы – своей суетой с чашками-плошками могла испортить весь кайф.

Сергей Мещерский – основатель и владелец фирмы «Столичный географический клуб», он же туроператор, менеджер, логист, гид, переводчик с нескольких языков (увы, кроме японского и китайского), несмотря на врожденное чувство юмора и здравый смысл, обожал, когда великий тубаларский шаман, глотнув спиртяги, вот так, как сегодня, входил в раж.

Матвей Жадов, двоюродный брат Инги и компаньон по туристическому их с Рюриком бизнесу, выпускник филфака Новосибирского университета, из рода алтайских тубаларов, играл свою роль превосходно.

Сюда, в Чойский район в окрестности сельца Каракокша, где с началом туристического сезона великий тубаларский шаман с университетским дипломом разбивал на берегах реки в лесу свой походный лагерь, туристические группы заглядывали в гости по пути с Телецкого озера.

Туристов любили и холили, потакали их капризам, а потому решено было устроить все как можно более натурально. Уже в первых числах июня Матвей Жадов и компаньон Мещерского Рюрик Гнедич строили айлу – жилище шамана из жердей, покрывая все рубероидом. Лишь снаружи для пущего колорита рубероид маскировали корой.

И великий тубаларский шаман из своего офиса в Новосибирске на все лето переселялся в девственные леса Каракокши, к комарам.

Для того чтобы выглядел шаман как надо, Инга нанимала специальную портниху, и та неделями торчала в музее этнографии, копируя одеяние алтайского шамана: рубаху, штаны, куртку из овчины, обшитые бахромой из крученых веревок, полосками кожи, меха, белыми ленточками, медными бляшками, колокольчиками и бубенцами. Когда великий тубаларский

шаман скидывал джинсы и куртку Nike и натягивал на себя весь этот прикид, когда брал в руки кожаный бубен и колотушку и начинал свой танец у огня с прыжками, вращением волчком, все это невероятное одеяние приходило в движение – полоски кожи, ленты, веревочные жгуты, змеи из шерстяных ниток летели по воздуху, кружа и переплетаясь, добавляя объема, превращая фигуру танцующего шамана в какое-то невероятное существо, выкликающее хриплым голосом имена духов леса и гор.

Но кульминацией всего представления являлся не танец, а вот это глухое бормотание у огня, когда, наплясавшись до упаду, великий тубаларский шаман откладывал бубен, брал в руки трубку, набитую табаком, и начинал рассказывать туристам сказки «черневой» тайги.

Он знал немало местных мифов, историй о духах, о воинах, о великой любви, об олене Золотые рога и Огненной красавице. Но туристы, как дети, почти всегда жаждали страшных сказок.

Жуткие истории Матвей Жадов любил сочинять сам. Недаром ведь окончил филфак университета. И когда на него волной накатывало вдохновение... вот как сейчас, он рассказывал воистину захватывающую дух сказку.

О том, как оно там, в тайге, терзаемое голодом и злобой, выходит на свою ночную охоту, чья твой след, твою кровь, твой страх. Берегитесь, оно уже близко! И нет спасения никому.

– Да, старики тут много чего необычного помнят и знают. Я сам слышал.

Это подал голос верный Рюрик – компаньон Мещерского Рюрик Гнедич. Не только блестящий переводчик с японского. Но и парень вообще на загляденье. С великим тубаларским шаманом они работали парой, пудря мозги доверчивым туристам.

Правда, Рюрик, пожелай он выступить сольно, тоже мог много чего порассказать о своих приключениях. Почти двухметрового роста атлет, капитан рыболовной шхуны с Камчатки, до этого проплававший пять сезонов на японских и сингапурских судах, побывавший в Японии, Новой Зеландии, Папуа – Новой Гвинее, потерявший, к несчастью, свою шхуну вместе со всем уловом в жестокий шторм у Командорских островов.

Это был обычный, хоть и очень сильный осенний шторм, и Рюрика Гнедича – капитана и судовладельца – этот чертов шторм разорил. Но вот странность, с тех пор как это случилось, Рюрик Гнедич рассказывал всем, даже близким своим друзьям, таким, как Сергей Мещерский, что вовсе не буря погубила его корабль, а проклятый НЛО, что «вдруг вынырнул из моря у самой нашей кормы».

Видимо, потеря бизнеса что-то там переключила в мозгах отважного капитана. И с тех самых пор он просто помешался на пришельцах и вторжении инопланетян. Мещерский прощал своему компаньону это чудачество. В туристическом бизнесе от Алтая до Владивостока и Камчатки Рюрик Гнедич был незаменим. И как никто он умел общаться с требовательными японскими туристами. Они его просто обожали, бросали на мускулистого гиганта восхищенные взгляды, как, например, юная Сатико-сан вот сейчас.

А то, что каждую свободную минуту капитан Рюрик торчал в Интернете на UFO-сайтах и форумах, то это такая уж прихоть. К тому же, к счастью, в окрестностях сельца Каракокша мобильной связи пока не водилось, а следовательно, все ноутбуки, планшеты и айфоны не работали.

О селе Каракокша, где они останавливались сегодня днем по пути с Телецкого озера, Сергей Мещерский сохранил самые теплые, нежные воспоминания.

Ну, во-первых, в сельце имелась АЗС, и они заправили полные баки двух своих выдавших виды внедорожников «Ниссан» (собственность турфирмы) и залили канистры про запас. Во-вторых, туроператор и менеджер Инга сразу же повела Сатико-сан и Юрико-сан, а также четырех студентов Токийского университета (русистов-филологов) в местный кондитерский

магазин, и они, радостно курлыкая, затоварились конфетами, печеньем и восхитительными сушками к чаю.

В-третьих, в сельце их уже ждали лесники-проводники и топили две отличные бани. И в-четвертых, после парной, после отдыха они все до отвала наелись в местном кафе.

Японцы уминали жареные сосиски и картошку с отменным аппетитом, а каракокшинские фирменные соленья – огурцы с перчиком, моченая брусника, маринованный папоротник и кислая капуста – заставляли их поднимать большие пальцы – «Круто!», строить «рожки» в форме буквы V – виктория, даешь! И беспрерывно фотографироваться на телефоны и планшеты.

Мещерский знал, как только они доберутся до мест с мобильной связью и Интернетом, все эти снимки полетят на фейсбук – японским родичам и друзьям.

А пока Сатико и две японские студентки пили чай с малиновым вареньем в зале кафе, отделанном светлым таежным деревом, беспрестанно шептались, хихикали, косились лукаво на красавца Рюрика, пившего пиво в компании Мещерского и господина Ито, и показывали друг другу и официанткам кафе свои фотки, еще раньше загруженные в телефон, – снимки Чуйского тракта, Телецкого озера, а также горы Фудзияма, снимки потешных рисованных зайчиков и кисок с улыбающимися мордашками, снимки своих бывших бойфрендов и фотки улетного японского мороженого – эскимо на палочке в форме шоколадных пенисов.

Официантки фыркали и смеялись, японки кланялись, благодаря за гостеприимство, а семидесятилетняя мать господина Ито – двуязычная, невероятной выносливости бывалая туристка – лишь качала головой и улыбалась благожелательно.

Здесь, в айлу великого тубаларского шамана, она тоже качала головой, слушая перевод. Но уже без улыбки, очень серьезно, словно верила всем этим алтайским побасенкам.

– И вот, когда весной оно выходит наружу, лишь голод его вожатый. Поймать и задрать оленя... Но олени бегают быстро, их трудно догнать. Убить медведя в берлоге? Но медведи после зимней спячки растеряли свой жир. Оно сильное и шибко злое, оно ищет медвежью берлогу. И тайга оглашается рычанием и воем. И скоро все кончено, лишь кровь на снегу. Таежные падальщики растаскивают медвежьи кишки по проталинам. Но его голод не утолен. Зима была такой долгой. Оно убило медведя и пожрало его печень. Теперь оно хочет убить человека и сожрать его сердце.

Голос великого тубаларского шамана тихий, монотонный. Рюрик Гнедич шепчет свой перевод господину Ито и его семейству, студенты и студентки понимают по-русски. Сухие сучья потрескивают в очаге, багровое пламя бликами играет на стенах айлу, освещая их лица.

– Старики тут кое-что рассказывают, но нехотя, словно чего-то боятся, – закончив перевод, Рюрик «подключается» к действию. – Я слышал, у этого ОНО много имен.

– Ни одно да не будет названо к ночи, – великий тубаларский шаман откладывает трубку и берется за свой бубен. – Это не злой дух, не Алумасу, не орлог из подземной пещеры, не сын леса. Ибо сын леса не станет затапывать огонь в очаге и протыкать человеческий глаз острой иглой. Орлог любит пугать, Алумасу любит вредить, но ни один из них не осквернит свой рот кусками плоти, содранной с человеческого лица. ОНО охотится на людей и пожирает их плоть, ест человечину. ОНО не злой дух, ОНО гораздо хуже, страшнее, ибо для него нет закона и духи предков против него бессильны. Гнев Эрлика породил его... Эрлик однажды возжелал потягаться с великим Ульгеном, отцом всего сущего. Но был посрамлен. ОНО – плод его ярости, ужас для всех земных созданий бога Ульгения. ОНО охотник и пожиратель, ОНО – чудовище ночи и дня. Никто не выживает, встретившись с ним в тайге или на дороге. А потом лесники и охотники находят в лесу кости и черепа, прибитые к стволам пихт. И следы его когтей на коре, кровавые метки, что оно оставляет на деревьях, говоря нам: вы все – моя добыча и я еще не сыт вами. Я голодный после долгой зимы.

Семидесятилетняя Юрико-сан – двурукая, бывалая туристка – что-то зашептала Рюрику, и тот перевел:

– Юрико-сан интересуется, в каком виде сын гнева Эрлика употребляет мясо человека – в сыром или как-то обрабатывает? Жарит?

– Сын гнева... не совсем точно, скорее плод гнева Эрлика, – изрек великий тубаларский шаман, легонько стукнув колотушкой в бубен. – Оно не имеет пола и совокупляется само с собой. Когда оно ловит человека...

– Ну все, пошло-поехало, – шепнула Инга Мещерскому. – Теперь братца уже не остановить. Пойду воздухом подышу, не хочешь со мной? Вон глаза у тебя от дыма как у кролика красные.

Они выбрались из айлу. Глотнув свежего бодрящего смолистого воздуха, Мещерский аж поперхнулся, закашлялся. Инга подошла, плавно, соблазнительно вертя бедрами, обтянутыми узкими джинсами, и постучала его легонько по спине.

– Москвиченок ты мой, – пропела она, улыбаясь. – Дыши, дыши полной грудью, воздух наш таежный лучше вина. А по-крупному мы с этих япошек наварили бабок, да? Выгодный тур, давно такого не было. Вот устроим им еще конный поход к каракокшинской пещере, и за это с япошек слупим, а потом ты сядешь в самолет и улетишь в свою Москву. И я тебя долго не увижу, может, вообще никогда?

– Ты такая красивая сейчас, Инга!

Наверно, и правда, пьянящий смолистый воздух кедровой тайги тому виной, или этот вот потрясающей красоты закат над сопками, а может, рокот и плеск реки, что течет в лесу совсем рядом с биваком шамана и палаточным лагерем, устроенным для туристов, где каждая палатка – еще пуста и так и зовет уединиться, но Мещерский внезапно ощутил небывалый прилив сил, голова пошла кругом.

Инга – маленькая, плотно сбитая, черноволосая, с щеками, как наливные яблочки, улыбалась ему. Красавица из рода тубаларов в рваных своих джинсах в обlipочку, шнурованных ботинках и жилетке-дутике казалась ослепительной на фоне тайги. Мещерский отлично знал, что она крутила роман с Рюриком, они хоть и не жили вместе открыто, но не делали тайны из своих отношений.

– И ты такой славный, только вот борода у тебя прямо ужас какая, – Инга подошла вплотную и запустила пальчики в бороду Мещерского, с которой он, как истый путешественник, не расставался вот уже два года. – Мохнатка ты моя, а мою мохнатку хочешь потрогать?

– Инга, я... ох, что ты делаешь... прекрати... нет, не останавливайся...

Ее руки блуждали, пальцы ласкали нежно и требовательно, Мещерский запрокинул голову – в просвете между деревьями он видел вечернее небо. Инга, наступая, начала подталкивать его к ближайшей палатке, на ходу расстегивая куртку, рубашку, брючный ремень. Мещерский млея от блаженства и видел высоко-высоко над собой крохотную яркую точку, словно там, в небесах, кто-то пришил бусинку или ягоду...

И вдруг этих бусин, светящихся алым в небе, стало несколько. И над тайгой, над сопками, над селом Каракокша, над биваком шамана послышался гул. Как будто там, наверху, кто-то включил силовую установку, гул перешел в грохот, рев, свист.

Из айлу выскочил Рюрик Гнедич, за ним японские туристы и сам великий тубаларский шаман Матвей Жадов.

– Матюша, что это такое? – испуганно воскликнула Инга; отпрянув от Мещерского, она уставилась в небо.

Японцы залопотали, кинулись к рюкзакам, сложенным у входа в айлу, доставать фотокамеры.

Что-то прочертило небо, вспоров горизонт огненной вспышкой – со свистом и гулом, но очень далеко. А потом раздался взрыв, такой, что земля под ногами дрогнула.

– Что это такое?! – завопила Инга.

– Вторжение, вот что это такое! – Рюрик Гнедич тыкал пальцем в небо. – Я же вам говорил, а никто меня не слушал. Они уже тут, они прилетели! Боевой крейсер на орбите высаживает десант. Тут аномальная зона, тут их база!

– Какая еще база, чья? Что ты городишь? – великий тубаларский шаман выхватил из кармана своего фантастического одеяния мобильный, пытаясь тоже заснять небывалое явление.

Мещерский глянул на Рюрика. Неизвестно, припомнилось ли bravому капитану то происшествие в шторм у Командорских островов, когда он потерял свою шхуну, только лицо его, обычно очень привлекательное, мужественное, сейчас напоминало лицо безумца.

– Пришельцы! – гаркнул он. – Мать вашу, чертовы инопланетные уроды, ну я вам сейчас покажу, я вас тут всех, гадов, в землю зарюю!

В небе над сопкой полыхнуло багровое пламя. И от нового взрыва снова дрогнула земля. А потом опять послышался свист и грохот, и на миг они все точно ослепли от новой вспышки.

– Рюрик, стой, куда ты?

Но великан-капитан с помповым ружьем в руках, выхваченным из палатки, оттолкнул Ингу, которая тщетно пыталась остановить его, и бросился в лес, не разбирая дороги.

– Рюрик, вернись, вот дурак! – великий тубаларский шаман всплеснул руками, его окружили японские туристы.

– Он сказал, там пришельцы, прикольно! – тараторила студентка-русистка. – Суперприкольно! Надо смотреть пришельцев! Пошли, пошли, все вместе, быстро, быстро!

– Уважаемые господа, никто никуда не идет, все остаются в лагере до выяснения причин происходящего, – Мещерский пытался успокоить клиентов.

Но куда там! Студенты уже подхватывали, напяливали рюкзаки, бывалая туристка Юрико-сан уже шагала по направлению к реке, за ней решительно поспешал ее обычно флегматичный сын господин Ито. Возле Мещерского осталась лишь Сатико.

– Господа, друзья, я вас прошу, сохраняйте спокойствие!

– Пришельцы, надо смотреть сейчас, надо идти быстро, быстро туда! – японские студенты и ухом не вели.

Мещерскому, Инге ничего не оставалось, как ринуться вдогонку за ними.

– Я возьму ружье, – сказал Матвей Жадов, отшвырнув бубен и колотушку. – Нужно в первую очередь найти Рюрика. Парень совсем свихнулся. Мне кажется, там, в тайге, упал самолет. Хотя на самолет это не слишком похоже.

Точно что-то лопнуло там, в небе, снова – так гроыхнуло. Они все ждали нового взрыва, но в воцарившейся над лесом тишине зашумел ливень.

Крупные капли падали на лесной ковер из хвои и прошлогодней листвы. Дождь припустил с невероятной силой, и уже через пять минут все потонуло в потоке воды, низвергающейся с небес.

Дождь погасил пожар, занявшийся в черневой тайге сразу после взрывов. Дождь как завесой прикрыл все.

Словно и не падало НЕЧТО с небес, распавшись на отдельные фрагменты. Мещерский, Инга, японские туристы, Матвей Жадов, догнавший их с отцовской охотничьей двустволкой, разом промокли насквозь.

А потом они поняли, что заблудились, при таком дожде в быстро наступающих сумерках в тайге не видно ни зги.

А затем и совсем не повезло. Они слишком поздно поняли, что под ногами у них не раскисшая земля, а клюквенное болото. Сергей Мещерский зажег карманный фонарь.

– Идем очень осторожно, за мной, по моим следам, – скомандовал Матвей Жадов. – Вперед никто не вырывается, тут, может, и просто мелкое болото, а может, и трясина.

Клюквы на кочках – видимо-невидимо, всюду, куда доставал свет фонаря, а под ногами чавкает болотная жижа.

Мещерский как-то сразу потерял счет времени – сколько они бродили по этому чертову болоту? Ведь где-то рядом совсем опушка леса и берег реки, и село Каракокша. Там, наверное, все переполошились из-за взрывов. Но что это было?

– Я думаю, это упал метеорит, – словно отвечая на его мысли, сказал великий тубаларский шаман, останавливаясь, чтобы японские туристы смогли передохнуть. – Напрочь отменяя все, что вообразил себе наш капитан...

– Почему это отменяя, а вдруг он прав и это было НЛО? – Инга вступилась за Рюрика Гнедича. – Я дико за него волнуюсь, куда его понесло – один, ночью, в тайге. Братец, ты сказал: надо сначала его найти. Как мы его найдем, если мы сами в болоте увязли?

– Я вас выведу. Спокойствие, только спокойствие, – Матвей изловчился и прыгнул на кочку. – Кажется, тут уже посуше, о черт...

Он провалился в трясину по пояс.

– Матвей, держись! – Мещерский опустился на колени. – Только не двигайся, сейчас я тебя вытащу.

Кто-то очень быстро ползком обогнал его по хляби. Бывалая двурульная туристка Юрико-сан, бросая какие-то команды своему сыну господину Ито, как истый самурай, презрев опасность, первой добралась до тонущего в болоте. Она ползла чуть ли не по-пластунски, не боясь испачкаться в тине: во вставных своих зубах, всегда поражавших Мещерского неестественной белизной, она сжимала конец крепкой альпинистской веревки, извлеченной из своего рюкзака.

Добравшись до кочки, она ловко сделала из веревки лассо и накинула его на плечи великому тубаларскому шаману, веревка соскользнула вниз на пояс, и Юрико-сан затянула петлю, потом бросила конец сыну.

Тот ухватился за веревку, затем за веревку ухватился Мещерский, после Инга.

Так, наверное, тянули репу в старой сказке. Великий тубаларский шаман, подбадривая их тревожными воплями, наконец выбрался на сухое место.

А потом они все слышали, как над тайгой в ночи снова раздался какой-то звук – не взрыв, рокот винтов.

– Вертолет летит! Вон, огоньки мигают. Это нас ищут, эй! – Обалдев от клюквенного болота, Мещерский уже начал выдавать желаемое за действительность.

– Это не нас ищут. Чтобы полетели ночью и в такой дождь... – Великий тубаларский шаман, задыхающийся, весь облепленный грязью, взял руку Юрико-сан, всю тоже в болотной тине, и поцеловал. – Аригато... мерси... вы мне жизнь спасли, мадам.

Вертолет пролетел над тайгой.

– Пока дождь и темень, отсюда не двинемся, сейчас костер разведу, – Мещерский оглянулся, светя фонарем. – Инга, жидкость для растопки у тебя?

– Неприкосновенный запас, вещи же в лагере остались, в палатках, но чтобы костер разжечь и согреться, нам хватит, – Инга достала из рюкзака топорик и начала рубить ветки мокрых кустов.

Они разожгли костер, но дождь заливал его нещадно. Замерзшие и промокшие, они ждали рассвета.

И рассвет принес невероятные приключения.

– Снова вертолет летит, и не один, кажется, целых три!

Мещерский вздрогнул: он кемарил, нахохлившись, как промокшая ворона, у потухшего костра.

Вертолеты летят над тайгой, туда, на восток. А это еще что такое?

Гул, рев мотора, лязг металла.

В неверном свете брезжащего утра Мещерскому, да и всем им (а вы посидите ночь на клюквенном болоте под проливным дождем!) померещилось, что... нет, что же это за звук? Или прав был капитан Рюрик и вот сейчас, сейчас над чащей лесной, ломая вековые кедры как спички, поднимется боевая машина инопланетян, марсианский боевой тренажер?

Ломая кусты и молодые деревца, перед ними возник БТР с сидящими на его броне солдатами в какой-то не совсем обычной форме – не полевой, походной, а... такую в фильмах показывают про «вирусы».

– Кто такие? – громыхнуло в мегафон с борта бронетранспортера.

– Мы туристы, я менеджер и организатор тура, а это наши японские гости. Мы на болоте заблудились.

– Сейчас мы вас оттуда достанем. Что с вами за иностранцы?

– Я же сказал, тут с нами японские туристы, мы из лагеря, что возле Каракотки. Скажите, что произошло? Мы слышали взрывы вчера вечером.

– В тайге упал космический корабль.

В мегафон это прозвучало так невероятно, что у Мещерского подкосились ноги.

– Наш или... ихний?

– Что?

– Это правда пришельцы? Тарелка упала летающая? – взвизнула Инга.

– Девушка, потерпел катастрофу грузовой космический аппарат «Прогресс», – донеслось в мегафон. – Об этом весь вечер, все утро по телевизору бубнят. Оставайтесь на месте, сейчас мы вам окажем помощь.

К ним уже спешили солдаты со срубленными жердями. Но жерди не понадобились. Через четверть часа они все уже выбрались на сухое место к бронетранспортерам.

– Вас сейчас доставят в населенный пункт, – распорядился всем офицер в защитном костюме, но без знаков различия. – Больше с вами никого нет?

– У нас товарищ в тайге.

– Тоже японец? Иностранец?

– Нет, мой компаньон, он решил, что это пришельцы, инопланетяне. Глупо, конечно, – Мещерский старался говорить спокойно. – Мы его пошли искать и вот на болоте заблудились.

– А это что за чучело? – офицер указал на испачканного грязью Матвея Жадова.

– Это наш шаман, то есть это мой компаньон, он участник фольклорного представления, мы туристам показывали.

– Так, ладно, вы все сейчас отправитесь в населенный пункт, тут в районе введен режим чрезвычайной ситуации, вам здесь находиться нельзя.

– Но у нас товарищ в тайге пропал!

– Слушай, командир, может, я, по-твоему, и чучело, – Матвей Жадов взвесил на руке двустволку, которую чудом не утопил в болоте, – но без друга, без Рюрика, я отсюда не уйду. Вы обломки «Прогресса» ищите, а мы товарища.

– Вы все немедленно отправитесь в населенный пункт. Без пререканий.

– Ты местный, командир? Судя по всему, нет, а я в тайге вырос.

– И я, я тоже вырос в тайге, – соврал Мещерский. Промокший, озябший, он не собирался бросать капитана Рюрика в лесу.

– Ладно, вы двое с нами. А девушка и иностранцы в населенный пункт, – командир в защитном костюме скользнул по ним взглядом. – Думаю, хуже, чем сейчас, вам уже не будет.

Ингу и туристов усадили на один из бронетранспортеров, и он, мяся гусеницами грязь, развернулся, газуя.

Военные пользовались навигатором и беспрестанно терзали походные рации. Мещерский ощутил под собой холод военной брони. Боевая машина устремилась в тайгу.

– Где Черное урочище?

– Не близко, командир, – сказал Матвей Жадов. – А что, «Прогресс» там упал? Мы видели несколько вспышек в разных частях неба, и взрывов тоже было несколько.

И словно в ответ на его слова где-то наверху снова включили мощную силовую установку – такой раздался гул.

И гигантская тень заслонила собой утреннее серое небо. Вынырнув из низкой плотной облачности, над тайгой пролетел огромный самолет. Огромный, как дом!

– Это же грузовой «Руслан»! Да тут и аэродрома такого нет, чтобы он сел! – воскликнул великий тубаларский шаман.

– А говоришь, в тайге вырос, – усмехнулись военные. – Ты много чего тут, парень, не видел.

И это оказалось чистой правдой.

Они выехали на берег реки Саракокши. И Мещерскому показалось, что он очутился в гуще учений, максимально приближенных к боевой обстановке, – бронетранспортеры, солдаты, военный полевой госпиталь, палатки, огромное количество техники.

А потом на их глазах склон сопки, густо засаженной лесом, начал подниматься вверх – вместе с деревьями, почвой, словно его выдавливала какая-то сила и... открылся вход в уходящую горизонтально в недра горы шахту. Мещерский увидел внутри асфальтированную дорогу, освещенную яркими прожекторами, по которой, урча моторами, катили военные грузовики-вездеходы. Показался вездеход-амфибия, совершенно уж фантастического вида мобиль.

– Мать моя женщина, – ахнул великий тубаларский шаман. – Ты только глянь.

– Не каждый день космические корабли с неба падают, – тихо ответил Мещерский. – Но уж правда все как-то слишком... я и представить себе не мог, что тут в этой глуши, в тайге...

– А тебе не кажется, что они ищут не просто обломки ракеты?

– Я вижу войска химзащиты, они боятся, наверное, что топливо могло разлиться.

– Я не о топливе, хотя... возможно, ты и прав, – великий тубаларский шаман Матвей Жадов озирался по сторонам. – Но Рюрик-то наш где? Что с ним случилось?

Глава 4

Затерянный в тайге

24 августа

Алтай, урочище Кереди

Они что-то там кричали, пытаясь остановить его. Они не понимали, что самое страшное уже произошло. То, что порой являлось ему в снах и дико пугало. И он просыпался – потный, дрожащий, чувствуя себя таким одиноким, таким беззащитным, потерянным, голым, уязвимым для всякого зла.

Они что-то там кричали, пытались остановить его. Но он даже не оглянулся. Сжимая в руках помповое ружье, он ринулся один в тайгу, чтобы встретиться лицом к лицу с...

Рюрик Гнедич, капитан рыболовного флота, потерявший свое судно у Командорских островов, остановился. Дыхание сбилось от крутого подъема в горы. Только раз он пересек дорогу Каракокша – Уймень, но это было давно, еще только-только смеркалось. А сейчас уже глубокая ночь. Он шел без остановки несколько часов подряд. Дождь, хлынувший как из ведра, промочил насквозь всю его одежду. Но теперь ливень начал стихать, обратился в морось.

Сквозь дождь и непогоду Рюрик слышал рокот винтов – вертолеты кружили над тайгой. Но где-то далеко, в той стороне, которую он оставил позади.

Вертолеты что-то искали, презрев риск нелетных условий. И Рюрик Гнедич представлял себе **ТО, ЧТО ОНИ ИСКАЛИ**, в самых разных ипостасях.

Воспаленное воображение рисовало адские картины инопланетного вторжения. Омерзительного вида существа – шестиглазые, восьминогие, облепленные наростами – антеннами, щупальцами, боевыми клешнями, крылатые и лишённые крыльев, с клыками, с ротовыми присосками, зубастые, покрытые чешуей, как броней, энергичные, разумные, но всегда беспощадные, беспощадные, беспощадные и такие чужие... бесконечно чужие... не земные, не наши... делали свои первые шаги по планете, покинув свой космический челнок, приземлившийся в тайге.

В отличие от Мещерского, Инги капитан Рюрик Гнедич ни на минуту не сомневался, что в тайге приземлился именно космический корабль.

Сжимая помповое ружье, не чувствуя усталости, боли в сбитых о камни ногах, не чувствуя ссадин, что оставляли на коже острые сучья, так и норотившие выколоть глаз в темноте, он шел и шел вперед.

Так поступают все одержимые или безумные, или герои. Кем был капитан Рюрик Гнедич, компаньон Сергея Мещерского, в тот момент?

Через какое-то время начало светать. Он упал на камни и лежал так долго, пока лучи зари...

Может, он впал в забытие на долю секунды. А когда очнулся, понял, что само небо посылает ему знак. В узкую щель между серых туч на востоке сочился розовый свет. И этот свет, точно облако, висел над урочищем Кереди.

С вершины сопки Рюрик Гнедич увидел это место. Вертолеты и те, кто их послал, пока еще сюда не добрались. Ну, что же, и один в поле воин, когда речь идет об атаке инопланетян.

Спуск занял у него два часа, потом он еще проплутал в тайге, пытаясь отыскать русло ручья, которое, как он помнил, по карте выводило как раз к урочищу Кереди.

Тайга давно проснулась, но кругом было необычайно тихо. Не слышно ни птиц, ни зверя. Может, дождь тому причиной, все живое попряталось, но дождь кончился. И потянуло свежим ветерком с запада. На столетних пихтах заколыхались длинные бороды висячего мха – дождевые капли как серый жемчуг. Мокрая трава в урочище Кереди поражала своим ростом.

Папоротники, заросли жимолости, дикой смородины. Пока Рюрик Гнедич продирался сквозь них, он весь вымазался соком ягод.

Голова кружилась от усталости, сердце глухо било в грудь, он чувствовал, что дошел, что вот сейчас все свершится, он увидит их... этих космических недоделанных гадов, лишивших его корабля, лишивших его душевного равновесия, спокойствия, сделавших из него вот такого психа...

Инга, Инга, смуглая, горячая, его любовница Инга, часто твердила, что он псих, и порой, особенно в моменты после жаркого секса в походной палатке, он ловил на себе ее взгляды – жалость, сочувствие, боязнь. Мол, что же ты, парень, вот минуту назад показывал себя таким молодцом, дарил такое наслаждение, что же ты снова чудишь. Псих...

Сейчас он докажет всем, в том числе и ей, что он не сумасшедший, не спятивший на пришельцах тип. Они существуют. Они пришли. Они уже здесь.

Сминая папоротники, не давая себе труда таиться и прятаться, Рюрик Гнедич с помповым ружьем наперевес вышел на прогалину.

Сначала ему показалось, что это открытое место – берега того самого ручья. А потом он увидел обугленные стволы елок, черную траву под ногами. Дождь здесь славно поработал за ночь, а иначе не миновать бы большого пожара в тайге.

Но даже и сейчас, во всей этой сырости, земля, трава, обугленные пни все еще дымились.

Кругом, насколько хватало глаз, – пепелище. Кругом, насколько хватало глаз, валялись обожженные стальные обломки.

Никакой летающей тарелки инопланетян. Никаких шестиглазых, восьминогих, никаких чужих.

Рюрик Гнедич тупо смотрел на кусок стальной обшивки. На черной от сажи поверхности еще различимы буквы «С ЮЗ».

И внезапно снова что-то переклинило в мозгу отважного капитана Рюрика. И он опять увидел себя в заливаемой водой рубке родной шхуны. Шторм, сильный шторм у Командорских островов.

Большая волна ударила в борт и перевернула старенькую шхуну, как детскую игрушку. Не было никакого НЛЮ, выныривающего из воды у самой кормы. Волна перевернула судно. За три минуты до этого он успел выбросить за борт надувной плот с радиомаяком. Все четверо членов его команды спаслись в ту штормовую ночь.

Рюрик Гнедич осторожно двинулся вперед. Среди обломков валялось несколько контейнеров. Один из них не сгорел. Точнее, внешний контейнер обуглился до черноты, а вот внутри него что-то блестело.

Рюрик подошел. В сгоревшем контейнере находился еще один из какого-то металла, обшивка его треснула и разошлась. Внутри полно битого стекла.

И там было еще что-то, закрытое, запаянное, а теперь такое незащищенное, доступное.

Рюрик Гнедич отложил ружье, опустился на колени и с любопытством наклонился над разбитым контейнером.

Глава 5

Пальба

Наши дни. Подмосковье.

Окрестности учебного аэродрома «Райки»

В час пополуночи на учебном аэродроме «Райки», официально закрытом еще в пятницу для полетов и тренировок по причине ремонта взлетной полосы, уже не велось никаких ремонтных работ. Техника – бульдозер, асфальтоукладчик – покинула территорию аэродрома в девять часов.

Но закрытый для полетов аэродром не дремал. Два техника, диспетчер и двое охранников курили на летном поле, вдали от постылых табличек «Не курить! Опасно!».

Диспетчер то и дело поглядывал на моднейшие дорогие наручные часы.

– По всем существующим нормам они уже должны подъехать.

– Сорок минут уже лишних ждем, – сказал техник, зевая во весь рот. – Я всю ночь их тут караулить не нанимался. Самолет заправлен, готов к полету. А что, легчик у них свой, что ли?

– Вроде как свой, – ответил диспетчер.

– Интересно, а кто нам тогда самолет обратно перегонит? Ну, в смысле потом?

– Перегонят, там не оставят. И вообще это не наше дело. Нам платят за подготовку полета.

И за то, чтобы аэродром был чистый, без разных там любопытствующих.

– Это ж надо взять и закрыть аэродром на столько дней. И все для того, чтобы какая-то фигня улетела, себя потешила, – не унимался техник, – и что, разрешение на ночной полет есть?

– Все у них есть. Сейчас, наверное, приедут.

В эту минуту, когда техник снова открыл рот, чтобы одновременно зевнуть и потом возразить, раздался сильный взрыв.

Они не поняли сначала даже, где это – в поселке, за лесом, на шоссе?

А потом сухо и отчетливо защелкали выстрелы. Бах-бах-бах! И автоматная очередь – словно град железный ударил по жести.

– Полундра, это что же? Стреляют?! Где это?

– В лесу!

– Да не, это со стороны дороги!

Техники, диспетчер загалдели все разом. Молодой охранник сунулся было:

– Я побегу посмотрю!

– Стой, не смей, слышишь? Еще не хватало, чтоб тебя там убили. Звони в полицию!

Автоматная очередь, затем еще одна. И лишь эхо над темным аэродромом.

– Алло, ОВД... полиция? Это с аэродрома «Райки» звоню. Немедленно приезжайте, у нас тут прямо война какая-то, стреляют! Ах, вам уже с дач звонили и из поселка тоже... Едете уже? Они сказали, что уже выехали на место, – охранник оторвал от уха мобильный.

Все стихло в ночи. В лесу, на шоссе, над аэродромом.

Словно и не стрелял никто и нигде. Словно все это почудилось, приснилось. Но ведь не спали же они.

– Я все-таки пойду гляну, хоть за ворота выйду, – молодому охраннику не терпелось поучаствовать в событиях, которые он лишь слышал, но не видел.

– Не смей, я сказал, то есть один не ходи, – старший из всей компании по должности – диспетчер – сунул в рот сигарету. – Мы все сейчас выйдем за ворота, посмотрим, оценим обстановку.

Они двинулись через летное поле в направлении ангаров, конторы-диспетчерской и главных ворот. Шли неторопливо. Никому особо не хотелось покидать территорию аэродрома.

– Разборка. Братва счета сводит, – техник прислушался. – Ишь ты, словно умерло все. А это что?

– Это сова кричит, – молодой охранник разбирался в орнитологии.

– Стрелка бандитская, точно, – гнул свое техник. – Наши-то заказчики-пассажиры где?

Они подошли к воротам, и в эту самую минуту на шоссе вдали показались огни фар.

– Едут, если они не в курсе, не слышали ничего, то мы им ничего и не скажем. Приехали – улетели. А разборка, стрелка – это не их дело, потому что...

Вой полицейских сирен оглушил. Вереница полицейских машин, сияя мигалками, мчалась по шоссе мимо аэродрома.

– Эй, это мы вам звонили! Мы вас вызвали! Там стреляли и что-то взорвалось! – Торопыга охранник ринулся к воротам, распахнул их настежь.

Но полицейские машины промчались мимо на огромной скорости. И вот лишь красные габаритные огни в ночи.

И тут внезапно где-то там, куда они так стремились, раздался еще один сильный взрыв. И что-то треснуло и грохнуло так, что техники и диспетчер в ужасе застыли на месте.

И лишь неугомонный молодой охранник, подстегиваемый любопытством и страхом, как черт из табакерки выскочил на дорогу.

– Мост! Там мост через речку взорвали! – истошно завопил он в следующую минуту. – Одна тачка ментовская перевернулась! Айда туда, надо помочь! И тащите огнетушители, если там машины загорятся, то нам тут всем на аэродроме кранты, у нас сколько горючего в ангарах!

Глава 6

Ночное приключение

Шорох осыпающейся земли, треск корней – и земля уходит из-под ног. Склон таежной сопки словно в фантастическом сне начинает подниматься, подниматься, заслоняя собой утреннее небо – вместе с лесом, мхами, дерном, хвоей, разбросанными тут и там валунами.

Внутри сопки взору открывается туннель – асфальтированная дорога, две широких полосы. БТР въезжает внутрь, а навстречу тоже движутся БТР, грузовики с солдатами в костюмах радиационной и химической защиты, машины-амфибии и вездеходы колоссальных размеров.

БТР по подземному шоссе едет в самые недра горы, и вы, потрясенный, видите... что же вы видите там, внутри?

Огромное пустое пространство. Сопка полая, это вроде как купол над гигантским залом. Что-то вроде сборочного цеха или подземного секретного завода, но сейчас тут нет никакого производства.

Потрясающая воображение законсервированная военная база времен «холодной войны». Как вы потом узнаете, БРА – база ремонта авиадвигателей.

«Бывало, едем сюда по дороге, а спутник там... ну там, сам знаешь где, уже следит... Сто метров проехали, стоп, глуши мотор, чтобы спутник не засек».

В глуши, в черневой тайге, в горах – и такое сооружение. Но сейчас тут никакого производства, это законсервированная военная база «на всякий случай». Склад техники быстрого развертывания.

На такой случай, вот как сейчас, ведь не каждый день с неба падают космические корабли.

Сергей Мещерский... свет прожекторов еще слепил его глаза там, в подземелье, и легкие были заполнены выхлопными газами военной техники, с ревом двигавшейся из недр сопки наружу. Он ощущал под собой холодную броню БТР, на котором сидел, и слышал, как по рации на груди старшего офицера в костюме химзащиты без знаков различия звучали хриплые команды... Так вот, видя, слыша, чувствуя все это и тот пряный холодок страха и любопытства, царапающий его позвоночник, он лишь крепче сжал в руке китайские палочки для еды и ткнул ими...

– Сerezенька, официант тебе суп принес, как ты и заказывал. Отложи палочки, возьми ложку. Где ты все витаешь? Ты совсем не слушаешь, что я тебе говорю.

Все ушло, все пропало. Склон таежной сопки захлопнулся. И они... он, Мещерский, и великий тубаларский шаман Матвей Жадов остались внутри, на этой законсервированной базе времен «холодной войны». А тут за уютным столиком китайского ресторана сидел совсем другой Сергей Мещерский, он отложил палочки, послушно взял фарфоровую китайскую ложку.

Супчик том-ям. И улыбнулся сидевшей напротив него Кате.

Катя – Екатерина Петровская, капитан полиции и криминальный обозреватель пресск-центра ГУВД Московской области – смотрела на него с сочувствием.

Улыбается Сerezечка Мещерский, улыбается нежно и рассеянно. А сам он где – бог весть, только не здесь, в своих думах.

Друг детства, такой, что водой не разлить. Правда, не ее, а Драгоценного В.А., то есть мужа Вадима Кравченко, который именуется так на домашнем жаргоне до сих пор, несмотря на то, что он в принципе уже муж бывший.

Мой бывший. Не ваш.

А вы молчите, если ничего не знаете.

Катя вздохнула. Охо-хо... грехи наши на веревочке...

Впрочем, эта фразочка из репертуара того же Драгоценного, как и прозвище, как и многое другое. Как и этот вот ее визави Сережечка Мещерский. Давно не виделись с милейшим Мещерским. С того самого дня, кажется, когда он в коридоре ОВИР, куда Катя ездила за новым загранпаспортом, чтобы ехать в Германию и обговаривать там с Драгоценным условия расторжения их брака, топал ногами, сначала шипел, а потом и вообще кричал на нее – блажил: «Я не позволю тебе с ним развестись! Ты не можешь его бросить, не смеешь его бросить. Это подло. Думаешь, я на тебе женюсь? Так вот – я на тебе не женюсь!!»

И все в таком духе, таком разрезе...

Ох, отчего же так все сложно?

Сто лет ведь знали друг друга. И Кате всегда казалось, что уж милейший Сережка Мещерский у нее вот где. Стоит лишь пальчиком его вот так поманить однажды, и он...

Маленькие парни наполеоновского роста боготворят высоких девиц на шпильках.

Однако, как видите, в своих оценках и предположениях Катя ошиблась. И сейчас ей хотелось лишь одного: чтобы с Сереженькой Мещерским у них стало все как прежде. Дружба это ведь такое сокровище. И сколько бы новых друзей вы ни приобретали по жизни, сердце ваше принадлежит без остатка друзьям старым.

О том, что они «не виделись с того самого скандала в ОВИР», Катя, пожалуй, загнула. Они, конечно, виделись, и Мещерский звонил ей – в основном для того, чтобы как по испорченному телефону передать ей то, что опять же по мобильному сказал ему Драгоценный из своего забугорного «далека».

Муж Вадим Кравченко бессленно теперь находился при своем работодателе, старом и хвором олигархе Чугунове, который лечился за границей от своих многочисленных болезней и уже прямо во всех разговорах, письмах и публичных речах называл своего начальника личной охраны Вадима Кравченко «сынок».

Мой сын... у старого хворого Чугунова не было детей. В самом начале своей службы у Чугунова Драгоценный терпеть его не мог. А теперь через столько лет, через столько клиник, госпиталей, операций, санаториев относился к нему как к больному беспомощному отцу.

Кто поймет мужчин? Кто влезет в их мозги? Катя как-то осталась в стороне от всех этих сложных мужских взаимоотношений.

Впрочем, в их расставании с Драгоценным было две трети ее вины. Она ведь первая изменила мужу.

А теперь вот Сережечка Мещерский после стольких своих странствий и путешествий внезапно возник и пригласил ее в китайский ресторанчик.

Где сидит и мечтает – явно не о ней. И даже не слушает, что она говорит.

Эта его нелепая борода... И как можно ходить парню по Москве бородастым?! Ладно в экспедициях, где его там носило эти полтора года – на Алтай, кажется, потом в Китай, в Монголию, затем в Пакистан.

– Когда ты бороду сбреешь? – спросила Катя прямо.

– Что? А, бороду... тебе не нравится? А некоторые говорят, мне идет.

Некоторые говорят...

Не хотела Катя, а так вся и всколыхнулась. Ясно, кто эти «некоторые».

Это та девица, что говорит этаким сорочьей скороговоркой по телефону: «Алле! Алле!» Как-то Катя сама позвонила Мещерскому домой – в квартирку с географическими картами на стенах вместо обоев, которую они так любили за уют и беспорядок когда-то и которая тоже словно канула в небытие. А трубку сняла какая-то бабенка... нет, ну понять-то можно Сережку, конечно, все имеют право на личную жизнь, но Катя тогда едва не грохнула мобильный об стену с досады.

Ей всегда казалось, что маленький деликатный Сережечка Мещерский пришпилен к ее юбке. И так будет вечно.

Увы, увы...

Потом Мещерский, как видно, спохватился и стал объяснять, плести какую-то историю. Та, мол, что у меня дома, это Инга. Ей просто в Москве остановиться не у кого, она из Новосибирска прилетела только что.

Катя сказала, что ничего не имеет против. Развлекайся!

Но Мещерский пустился в дальнейшие объяснения. Это, мол, совсем не то, что ты думаешь.

Да я и не думаю ничего.

Нет, это совсем, совсем не то. То есть там, на Алтае, она пыталась, и кое-что, конечно, было. Я ведь мужчина!

Кто бы спорил, Сережечка!

Но даже тогда ничего серьезного не было, потому что у Инги есть... то есть был парень. Рюрик Гнедич его звали, он в прошлом моряк, а сейчас мой компаньон по турбизнесу и друг.

Это называется любовный треугольник – вставила тогда, помнится, бессердечная Катя.

Да нет, это совсем, совсем не то. Ее парень Рюрик пропал в тайге в то лето. Ну, я тебе рассказывал, когда на Алтае упал «Прогресс». И до сих пор Рюрика не нашли. Так вот она, Инга, все кабинеты уже обошла, сто жалоб написала, мол, никаких мер для розыска без вести пропавшего не принимается. А теперь приехала жаловаться в Москву в МВД и Генпрокуратуру.

Она заявление написала, Катя, ты ей поможешь передать в МВД, чтобы там под сукно не положили?

Мещерский объяснял все это как-то путано. И выходило все как-то неправдоподобно. Ну да, космический аппарат «Прогресс» на Алтае падал, кто же об этом не слышал? И товарищ их в тот август как раз пропал в тайге. Это беда, ничего не скажешь. Но сколько времени с тех пор прошло?

Катя тогда забрала заявление Инги у Мещерского и сама пошла по инстанциям в МВД и даже начальника управления розыска полковника Гущина просила позвонить в Генпрокуратуру знакомым прокурорам, чтобы заявление рассмотрели скорейшим образом.

Но все лишь руками разводили. Без вести пропавший в тайге! Такой срок! Что можно сделать сейчас, если тогда столько искали и не нашли.

– Ты сказал: Инга опять звонила из Новосибирска, спрашивала, нет ли новостей. А я ответила тебе: если там нет новостей, какие же новости здесь? – Катя терпеливо, как ребенку, начала повторять Мещерскому все сначала, все, что он пропустил с того самого места, когда официант забрал у него пустую тарелку с закуской и принес суп том-ям. – Это же пропавший без вести. И они еще тогда мне в министерстве сказали: ну что вы хотите, это же тайга.

– Я понимаю, – Мещерский зачерпнул ложку супа. – В глубине души я уже тоже не надеюсь. Но вот Инга... Понимаешь, у нее брат двоюродный – шаман. То есть все это глупости, он не настоящий алтайский шаман, это все так, фольклорные шутки для туристов. Но там, на военной базе, куда нас с ним привезли в тот день... понимаешь, у него было видение. То есть я неправильно выразился, не видение, а... предчувствие, что ли... Что-то нехорошее произошло в тайге. Так он мне сказал тогда. И вот теперь Инга, она потому и звонит, что... у нее тоже предчувствие, так она мне говорит, что Рюрик не погиб. Он не умер там, в тайге. Они ведь любили друг друга. Она говорит, что чувствует это, когда он ей снится.

– Прости, на какой еще военной базе?

– Это я не могу сказать. С нас подписку взяли о неразглашении.

– Так, ладно, хорошо, – Катя решила ему не перечить, когда он в таком вот состоянии полупрострации. – Времени прошло очень много с тех пор. Но если надеяться на лучшее, может, этот ваш Рюрик тогда выбрался из тайги и просто решил слинять, бросил Ингу и куда-то уехал...

Мещерский ел суп.

– Такой вариант возможен? – спросила Катя.

– В принципе, да. Но женщине это ведь трудно принять. А мне... чтобы я ей такое стал говорить про Рюрика? Порочить его? Да никогда.

– Сереж, а ты знаешь, сколько уже времени? Сколько мы тут с тобой ужинаем при свечах? – Катя покачала головой. – Ночь.

– Я тебя сейчас домой отвезу.

– Конечно, ты вон и не пьяненький совсем.

– Что, думала, я там окончательно спился в своих экспедициях?

– Нет, что ты. Правда, когда ты уехал в Пакистан и вдруг мне позвонил из Карачи, я дико беспокоилась, там же беспокойно. Какой туризм может быть там сейчас? А на Алтае тайга, одни комары.

– Там очень красиво, Катя. И там есть все для экотуризма. Ты должна поехать туда.

– С подружкой Анфисой?

– Да, и со мной. А когда Вадька приедет, то мы отправимся туда все вместе.

У Кати вдруг защемило в глазах. Вот и вернулось все... на долю секунды все стало как прежде. Нет, это лишь иллюзия.

Звонок мобильного.

Кто это в такой час? В выходной, в воскресенье?

– Екатерина, алло! Это Голубяткин с дежурной части. Конечно, может, я не вовремя – поздно уже очень и вы... то есть ты спишь уже.

– Я не сплю, привет, что случилось?

Помощник дежурного по главку Голубяткин – человек равнодушный к славе в СМИ. Катя однажды сделала о нем репортаж для «Криминального вестника Подмосковья» – не о работе дежурной части, а форменным образом о роли помощника Голубяткина в организации работы дежурной части – улавливаете разницу? И с тех пор навсегда забрала его мужественное, но трепетное к славе сердце в плен. Уже дважды он «наводил» ее на интересные происшествия, и она являлась на место преступления, даже слегка пугая старого бывалого шефа криминальной полиции полковника Гущина своей вездесущностью.

И вот сейчас, кажется, тоже нечто... только на часах-то уже за полночь.

– Небывалое дело у нас, – шепотом доложил Голубяткин в мобильный. – Поворот от учебного аэродрома «Райки» – знаешь это место? Вот там, в двух километрах от дачных участков.

– А что стряслось в Райках?

– Мало того что на полицейские машины совершено настоящее нападение. Там мост через речку взорвали, так что теперь ехать надо сначала по Щелковскому, а потом поворот делать налево у железнодорожного переезда.

– Кто напал? Это криминальная разборка?

– Информация пока сюда приходит крайне противоречивая, – Голубяткин совсем снизил голос до свиста. – С района докладывают – очень странная картина происшествия. Никогда такого видеть не приходилось.

– Ладно, спасибо за информацию, – вздохнула Катя.

Вот ведь жизнь криминального обозревателя пресс-центра ГУВД! Ну что ты скажешь – китайский ресторан, свечи, музон негромкий, хоть до утра танцуй-веселись. И приятель, вернувшийся из дальних странствий, сидит напротив, глазами моргает удивленно. А вы... а я...

– Катя, ты куда это?

– Мне срочно надо ехать, у нас ЧП.

– Куда ехать? Ночь ведь уже, завтра утром и...

– Какое утро, там что-то небывалое. Я должна ехать сейчас. И это хорошо, что ты не напился. Ты ведь на машине, Сережа?

– Я да... то есть... ты хочешь, чтобы я ехал с тобой?

– А кто меня повезет в Райки? Такси, что ли? – спросила Катя капризно и с вызовом, как в старые добрые времена. – И потом, полковник Гушин тебя помнит, так что не прогонит с места происшествия взашей.

Мещерский расплатился, не доев супчик том-ям (какого черта есть тайские похлебки на ночь глядя?).

Они сели в его машину и поехали. Никаких пробок. Москва приготовила им «зеленую волну» до самой МКАД.

А дальше...

Катя достала из сумки планшетник. Где аэродром «Райки», она помнит, места там красивые, живописные. Но лучше довериться навигатору. Она задала пункт назначения, и андроид начал деловито прокладывать путь, словно в сказке сыпать хлебные крошки, заманивая их далеко-далеко, в самую чащу, самую гущу невероятных событий.

Быть может, чудовищу в алчную пасть.

Глава 7

«И часовые боялись...»

Навигатор довел их до места по подмосковным дорогам. И с Щелковского шоссе они свернули правильно, и потом не пропустили два поворота.

Вот показался синий дорожный указатель «Биокомбинат». Еще проехали километра три и свернули направо, получалось, что все время петляли.

– Раз мост у Райков поврежден, взорван, то вот так приходится, – Катя смотрела на темное шоссе. – Что-то я ничего не понимаю, речушка там, насколько я помню, узенькая, кому понадобилось мост взрывать и нападать на патрульные машины?

Навстречу по дороге им попадался транспорт, но редко, в основном все строительная техника и фуры.

И вот они снова свернули и сразу увидели впереди множество припаркованных у обочины полицейских машин и оцепление.

– Идем, сейчас все разузнаем, надо только Гущина найти.

Катя вылезла из машины и быстро зашагала в направлении оцепления.

Мещерский чуть отстал, закрывая машину. Потом огляделся. Шоссе, лес, темнота.

Ночью даже самый чахлый подмосковный лесок кажется непролазной чащей. Как и там, в Чое на подступах к Черному урочищу. Как и вокруг той военной базы в недрах горы.

Это случается только после очень долгих и лютых зим...

Плод гнева Эрлика выбирается наружу для охоты. И мы все его добыча.

Великий тубаларский шаман бьет в свой ритуальный бубен, отгоняя злых духов, но против плода гнева Эрлика он бессилен, потому что...

Потому что гнев Эрлика породил не духа, а нечто весьма реальное, материальное, исполненное голода и ярости.

И старожилы об этом знают. Там, в сельце Каракочиа... уже после всего, когда их доставили с Матвеем Жадовым назад с той базы, когда они уже искали пропавшего Рюрика вместе с лесниками и участковым... так вот там однажды в местном кафе он спросил... Ну конечно, он спросил про эту законсервированную базу в горе. И оказалось, местные в курсе, более того, даже нашелся тот, кто когда-то работал там поваром на кухне.

И вот этот бывший повар, ныне бухгалтер местного лесхоза, сказал за рюмкой: в тайге все возможно. Бывало, там, у базы, выставляют часовых. И вроде все ничего, а потом бац – один в обморок упал от страха. Часовые боялись стоять в лесу на посту одни. Потом уж всегда ставили по двое. Кого боялись? Может, и медведей, только... воображение-то порой с людьми шутки нехорошие шутит. Особенно в лесу. Мало ли что может привидеться ночью во тьме...

Мещерский оглянулся – подмосковный лес черной стеной. Тут рядом дачи и учебный аэродром. И тут сейчас полно полиции. Чего он в самом деле, откуда этот непонятный мандраж? Здесь стреляли, наверняка произошла криминальная разборка, как сразу и определила умница Катя.

Но Катя ошиблась.

Для обычной разборки между ОПГ было слишком много весьма необычных деталей.

И первое – отсутствие трупов.

На узком шоссе, зажатом с обеих сторон стволами деревьев, две разбитые машины, обе марки «Фольксваген» – пикап и мини-автобус, только без окон, с закрытыми бортами.

Стекла в машинах выбиты, раскуроченная обшивка, у пикапа снесено полдвигателя, водительские сиденья залиты кровью, и на асфальте шоссе, куда светят фонарями полицейские эксперты-криминалисты, тоже кровь.

– Осторожнее, тут вам нельзя находиться, отойдите в сторону, идет осмотр. Не видите, что ли, здесь автоматных гильз стреляных полно.

– Я из пресс-центра ГУВД, а это со мной мой помощник.

От короткого диалога между Катей и экспертом Мещерский пришел в себя.

А потом он увидел толстого лысого мужчину лет пятидесяти, одетого почему-то в черный спортивный костюм «адидаас» с «лампасами» и кроссовки. Мещерский узнал полковника Гущина – шефа криминальной полиции. Странно было видеть его не в деловом костюме, а вот так «по-дачному».

– Федор Матвеевич, добрый вечер, – окликнула Гущина Катя.

– Ночь уже полночь, – Гущин, кажется, был им совсем не рад. – Тебя только тут не хватало. Кто информацию слил?

– Н-не скажу, – Катя покачала головой. – У вас свои источники, у меня свои. Я прямо из ресторана. Помните Сережу Мещерского, он меня сюда довез. А вас откуда выдернули?

– А я с сыном... ну, с Федькой (Катя поняла, что Гущин имеет в виду ее старого знакомого, своего незаконного сына Федора) поехал в выходной на рыбалку. Вот и поудили мы карпов!

– Да что тут случилось-то? Машины разбитые.

– Расстрелянные в упор, так скажем. И палили по ним из гранатомета, а потом из автомата. – Гущин медленно начал обходить авто.

Катя и Мещерский двигались за ним.

– Эксперты сейчас пытаются траекторию выстрелов определить. Откуда стреляли.

– Я слышала, мост через речку взорвали? И на наш патруль напали?

– Там, к счастью, никто не пострадал, машина патрульная перевернулась и загорелась, только там быстро огонь потушили, местные помогли, сотрудники аэродрома.

– Кто напал и кто взорвал мост?

– Это вопрос. Зачем взорвали – с этим легче. – Говоря все это, полковник Гущин продолжал свой медленный обход, то приседал на корточки у колес, то нагибался, то заглядывал в окровавленный салон. – Когда стрельба и взрывы послышались, в отдел полиции стали звонить, и они сразу выслали наряд. Дорога мимо аэродрома – кратчайшая. И мост. Вот под него и было заложено взрывное устройство, видимо, радиоуправляемое. Рванули, чтобы сюда полиция не доехала. Когда спохватились, пожар потушили и сюда в объезд добрались, вот такую картину уже увидели – расстрелянные машины и отсутствие тел. И еще кое-что...

– Что?

– Так, нам тут нужно больше света, – скомандовал Гущин. – Разверните машины фарами, светите. Вот этот участок.

Полицейские машины подогнали ближе, включили фары.

Черная стена леса словно вплотную приблизилась. И на фоне этой черноты Мещерский, Катя, эксперты и полковник Гущин увидели какой-то предмет.

Ящик.

Контейнер – так показалось Мещерскому. И весьма внушительных размеров.

– Следы волочения по земле, множественные, и следы крови, – доложил один из экспертов. – Тела погибших перемещали. Вот след, и тут тоже, и вот еще. А дальше как отрезало.

В свете фар Мещерский увидел примятую траву на обочине и полосы на асфальте.

И все обрывалось.

Контейнер... ящик, Мещерский хотел было подойти.

– Стой на месте, – шепнула Катя.

Гущин и эксперты подошли к контейнеру.

– Необычное повреждение крышки. – Эксперт наклонился. – Материал – металл, очень прочный сплав, и тут какое-то вещество, пятна, я возьму на анализ. Но как странно вскрыто... не снаружи, а изнутри.

Мещерский не мог больше ждать и подошел.

Металлический контейнер. На крышке почти во всю длину металл словно лопнул, местами загнулся.

– А это что? – Мещерский присел рядом с контейнером и указал Кате на панель с цифрами сбоку.

– Я не знаю, чудной какой-то ящик. Федор Матвеевич, а что это, по-вашему?

– Это кодовый электронный замок, как в сейфе, – вместо Гущина ответил эксперт.

Он осмотрел замок, попытался набрать комбинацию, там что-то пискнуло, моргнуло.

– Поврежден или открыт. – Эксперт взялся за край крышки контейнера и с усилием потянул на себя.

Крышка подалась.

– Замок сломан, тут все открыто. Но повреждения на крышке такие, словно... что-то разорвало ее изнутри.

– Что разорвало? – спросил Гущин.

– А вы посмотрите сами. Разрыв. Как будто что-то выбралось из этого ящика наружу.

– Меня сейчас интересует только одно – куда делись тела? – сказал Гущин. – Две машины, значит, уже должно быть двое, два шофера.

– Множественные следы крови, возьмем на анализ образцы, кажется, тут было не двое, а больше людей.

– Больше? Ты слышала, эксперт сказал – тут больше было народу, – шепнул Мещерский Кате. – Так где же они? Что, мертвецы сами встали и ушли, что ли?

– Сережа, помолчи, пожалуйста.

– Я и так молчу. Ты меня сюда выдернула. Теперь и спросить уж ничего нельзя?

– Шшшшшш! Федор Матвеевич думает, – Катя смотрела на Гущина. – Технику расстреляли и оставили, а тела куда-то дели. Увезли, что ли? Получается, что увезли.

– Какие еще следы обнаружены? – словно в ответ ей спросил Гущин. – Следы ног, протекторы?

– Темно, утром будем осмотр продолжать. Пока по осмотру прилегающей территории выявлены лишь следы строительной техники, но тут коттеджный поселок строят за железной дорогой, и на аэродром технику тоже гоняли, там ремонт полосы идет, – это доложил уже кто-то из местных оперативников.

Мещерского неодолимо влек к себе вскрытый контейнер. Он снова обошел его, наблюдая, как эксперты обрабатывают поверхность и берут образцы на анализ.

Ящик был прямоугольной формы, примерно два с половиной метра в длину и полтора в ширину. Темный металл. Одновременно смахивает и на грузовой перевозочный контейнер, и на...

– Похож на саркофаг, – сказал Мещерский, обернувшись. – Ну, как в музее погребальные саркофаги. И тут вот на крышке я вижу... как раз на месте разрыва то ли часть буквы... нет, вроде как цифры. То ли единица... нет, две семерки.

Пятно света от фонаря эксперта уперлось в место разрыва металла, куда показывал Мещерский...

Глава 8

У разбитой переправы

Эксперты-криминалисты и половина следственно-оперативной группы остались работать на месте происшествия на шоссе. А полковник Гуцин решил ехать на осмотр взорванного моста.

Катя, естественно, от него не отставала, Мещерский боялся отстать в этой ночной непонятной суете от Кати.

Странный контейнер по-прежнему неодолимо влек его к себе. Но там плотно работали эксперты, брали пробы, делали соскобы, обрабатывали реагентами кровавые пятна на асфальте.

– Федор Матвеевич, я на машине, я, то есть мы вас подвезем до моста, – сказала Катя Гуцину. – Получается, что теперь отсюда туда снова в объезд?

– Выходит, что так. Речушка – воробью утопиться, но берег крутой, ни один внедорожник не преодолеет. – Гуцин в темноте попыхивал сигаретой, красный огонек освещал его мясистое лицо. – Куда ехали эти машины? Откуда? Из Москвы? Свернули с федеральной трассы? Куда эта дорога ведет?

– Сейчас посмотрим на навигаторе, – Катя кивнула Мещерскому по-хозяйски: открывай машину.

И по-хозяйски начала шуровать в салоне, включила навигатор.

– В поселок, Федор Матвеевич.

– На дачи? – Гуцин, усаживаясь сзади, хмыкнул. – А дальше? Я этот район плохо знаю. Тут тихо, преступления... ну настоящие, убийства, разбои и не припомню чтобы совершались здесь. Красивое место, но тут ни домов отдыха раньше не было, ни турбаз, ни детских лагерей. Да и сейчас отелей загородных нет. Не строили здесь. Интересно, почему?

– Я тут с подружкой как-то отдыхала, здесь ведь учебный аэродром, – сказала Катя. – Анфиса фотограф, она там снимала парашютистов – классно было.

– Аэродром тут точно есть, «Райки»... а дорога, что у нас там после дачного поселка?

– Как раз «Райки», аэродром. Вот мост обозначен, – Катя смотрела в навигатор. – А дальше уже снова поворот на Щелковское шоссе, и там много вариантов, можно, например, на Фрязино повернуть.

– Ладно, едем теперь к мосту в объезд, чтобы на той стороне оказаться.

Гуцин дал это туманное указание Мещерскому, и тот послушно включил зажигание.

Ехали по темным подмосковным дорогам. Мещерский смотрел на часы – третий час ночи. А приключениям нет конца.

– Кто расстрелял машины на дороге? – спросил он, потому что молчать просто больше не мог. Не любопытство, какое-то иное, гораздо более сильное чувство распирало его.

– Понятия не имею, молодой человек, – ответил Гуцин. – Кто, зачем, почему, куда трупы подевались и что вообще там произошло, с какой целью весь этот кровавый фейерверк организовали. Но самое скверное это то, что сейчас по данному факту мы даже не можем возбудить уголовное дело. Трупов нет. Возбуждать дело о порче имущества? А кому машины принадлежат?

– Ну это вы установите по номерным знакам, – сказала Катя. – Это же элементарно!

– Я сомневаюсь. Обратила внимание, что это за номерные знаки?

– Нет, я в этом ничего не понимаю.

– Лет десять как такие номерные знаки уже не используются, – сказал Гуцин. – И на той, и на другой машине. А машины совсем новые, между прочим.

– А как же они ехали с такими номерами? – спросил Мещерский. – Как ГИБДД их не остановила?

– А вот это тоже вопрос на засыпку. Либо гаишники совсем уж олухи слепые, либо...

– Либо что?

– Вон он, мост разбитый. Останови-ка тут, парень, пройдемся.

Впереди – снова полицейское оцепление и множество машин ГИБДД. «Форд» ППС Катя увидела за ними – обгорелый перевертыш. К нему и подошли в первую очередь.

– Водитель и напарник-патрульный оба уже в больнице, к счастью живы, отделались переломами, – рапортовал Гущину начальник местного ОВД. – К нам на пульт в отдел лавина звонков с дач хлынула и из поселка – мол, канонада в лесу, стреляют. Мы сразу послали туда три дежурные машины. С аэродрома тоже звонили – и там слышали взрывы и выстрелы. А дорога вот эта мимо аэродрома. Когда первая наша машина подъехала к мосту, прогремел взрыв. Взрывной волной ее отбросило, перевернуло, и она загорелась. Пожар тушили общими усилиями – наши, из ППС, и с аэродрома мужики прибежали.

– Аэродром ведь вроде закрыт, ремонт там. – Гущин осматривал перевернутый обгорелый «Форд». Потом пошел к мосту, точнее, к остаткам моста.

– Так точно, ремонт. Но там охрана, наверное, на ночь осталась.

– Наверное? Вы сотрудников аэродрома допросили?

– Никак нет, не успели пока.

– Немедленно туда посылайте оперативников, и чтобы никто оттуда домой не слинял из очевидцев.

– Ночь уже, может, завтра...

– Это час назад надо было сделать. Мы уголовное дело возбуждать будем пока лишь по факту нападения на сотрудников ППС, у нас каждое показание свидетеля сейчас на счету.

Катя слушала весь этот спор, а сама с любопытством заглядывала вниз – речушка и правда чахлая, но берега обрывистые. Внизу – рухнувшие бетонные сваи, битый асфальт. Там вовсю работают эксперты и криминалисты-взрывотехники.

Фонари мигают, но тут достаточно света – здешняя дорога освещена хорошо. Правда, один из фонарей у самого моста погнут взрывной волной и похож на огромный рыболовный крючок.

– Бред какой-то, – сказал Мещерский. – Чтобы мост взорвали под Москвой, в дачном месте. Террористы, что ли?

И словно в ответ на его вопрос произошло сразу два события.

– Товарищ полковник, использовано радиоуправляемое взрывное устройство, – доложил снизу мощным басом Гущину эксперт-взрывотехник. – Заложили профессионально под сваи.

– Понял, нам надо тип устройства определить. И место, откуда его в действие привели.

Тут Гущину позвонили.

– Кто приехал? – спросил он в мобильный. – ФСБ? Они уже на месте и своих экспертов привезли? А что мы можем? Пусть работают, если считают нужным. Я сейчас занят, позже с ними пообщаюсь. А о подследственности речь будем завтра вести в прокуратуре. Пока это наша подведомственная территория. У нас тут наши сотрудники пострадали в автокатастрофе, так что мы будем расследовать нападение на патруль ППС.

Он дал отбой. Пыхтя, спустился по крутому глинистому склону вниз к остаткам моста и взрывотехникам.

Катя наблюдала, как он осторожно бродит по берегу речушки среди бетонных свай.

– Может, ты и прав, – сказала она Мещерскому. – Может, террористы. Не зря же фээс-бэшники нагрянули.

– Тогда тебе об этом писать репортаж не разрешат. – Мещерский глянул на небо – черный ночной полог усеян звездами. Крупные, летние звезды над кронами сосен и елей.

– Странный какой ящик там, – сказала Катя. – Это ведь его перевозили на тех машинах, то есть на одной, той, что закрытая, а вторая с людьми шла, которые должны были грузить. Ящик пустой, но ты пробовал его поднять?

– Нет, я крышку осмотрел, дыру и эти цифры, то, что от них осталось.

– А я пробовала. Поднять его даже пустой невозможно ни в одиночку, ни вдвоем.

– Сейчас специальные погрузочные устройства имеются – автокары, лебедки автоматические.

– Где? – спросила Катя.

– Ну, там должны быть, откуда ящик привезли, и там, куда везли.

– А куда его везли? – спросила Катя.

Гущин поднялся наверх, отдышался. Подержался за сердце, потом тут же сунул в рот новую сигарету. Их разговор он слышал.

– Аэродром «Райки» в двух шагах, и мы туда сейчас отправимся.

– Прямо сейчас? – спросила Катя.

– А ты хочешь, чтобы эти умники из ФСБ первые им там, на аэродроме, ваши вопросы про погрузочные устройства и лебедки задавали?

Катя сразу же прикусила язык: ну да, ну да, старик Гущин недаром ведь гонял ее по навигатору насчет того, куда ведет дорога, на которой устроили засаду. Не на дачи, так на учебный аэродром.

Они медленно шли по пустой темной дороге. Вот и ворота аэродрома «Райки», будка охраны.

Летное поле освещал прожектор, укрепленный на крыше какого-то строения, похожего на контору. Дальше – тьма, где-то там полоса леса. Катя вспомнила, как они с подружкой Анфисой Берг приезжали сюда на выходные, Анфиса подружилась с «прыгунами» – так она звала парашютистов. Как они все взлетели и потом горохом посыпались из самолета – у Кати, следящей за прыжками с земли, аж дух захватило. Соорудили в воздухе какую-то фигуру, а потом разошлись в затяжном прыжке и полетели вниз, вниз. Но вот раскрылись разноцветные парашюты, и они начали приземляться – не слишком точно, кто где. Кто на летном поле, а кто на лугу за рекой.

– Охрана! – зычно позвал полковник Гущин, стуча в ворота. – Откройте, полиция!

Из летной конторы, несмотря на глухой час ночной, показались люди.

– Товарищ полковник, младший лейтенант Ерофеев, докладываю, очевидцы тут, они со мной. Мы чай пьем, – доложил лейтенант.

– Они чай гоняют, а я, старый больной человек, по оврагам лазить должен, – Гущин отчего-то разозлился на местного лейтенантика, хотя тот сделал то, что ему велели: удержал свидетелей с аэродрома на месте.

Подошел охранник в форме и пустил их на территорию «Райков».

– Кто тут еще с вами был, когда взрывы и стрельбу вы слышали? – спросил его Гущин.

– Диспетчер наш Ахов Андрей, и техников двое, и еще мой напарник дядя Саша.

– А почему столько народу ночью на аэродроме, тем более закрытом для полетов?

– Мы это... то есть они ждали...

– Кого ждали?

– Вам это... лучше с диспетчером поговорить.

– Веди нас тогда, – распорядился Гущин.

– Это я вам звонил, – сообщил он охотно. – А потом мы решили глянуть. А здесь ваши машины, мы только к воротам, а тут новый взрыв ба-бах! Я побежал, смотрю, тачка одна перевернулась, загорелась, другая в кювете. Ну, мы сразу сюда за пожарным инвентарем. Ведь у нас горючего полно в ангарах.

– А это что за самолет? – спросил Гущин.

Катя увидела возле ангара на взлетной полосе небольшой аккуратный такой самолетик с красной молнией на борту.

– Это «Сесна», для клиентов готовили.

– Для каких клиентов?

– Это... знаете, вам лучше с диспетчером...

– Понял, понял, но ты ведь и сам парень не промах и храбрый, – Гушин откровенно льстил молодцу охраннику. – Так что за клиенты?

– Не знаю, сам удивляюсь. Ведь так и не приехали, а деньги какие заплатили за полет. За подготовку. Мы ведь и аэродром для них прикрыли. Это они такие условия поставили.

– Кто они? Сколько их?

– Не знаю, диспетчеру звонили, и один от них приезжал с бумагами, ну, документами на полет, разрешением и бумагой из банка, что деньги нашему ТОО переведены. Диспетчер потом владельцам самолета звонил. Все, мол, путем. Аренда оформлена. А летчика нашего они не захотели. У них, мол, свой есть.

– Что-то для погрузки у вас имеется, какие-то приспособления? – спросил Мещерский.

– Конечно, тут же и ремонт самолетам делают, и профилактику.

– А насчет груза речь шла? – спросил Гушин.

– Это у диспетчера спрашивайте, не знаю.

Диспетчер Ахов, оба техника, второй охранник и лейтенант Ерофеев спустились с крыльца конторы навстречу.

– Все растрепал, успел? – спросил диспетчер молодого охранника хмуро.

– За вашими воротами у моста было совершено нападение на сотрудников полиции, – сказал Гушин. – Вы – очевидцы происшедшего, так что ваши показания нам нужны.

– А что за стрельба в лесу была? – спросил диспетчер.

– Разбираемся с этим. Кто-то на кого-то устроил засаду, и опять же недалеко от вашего аэродрома. Вы кого в гости ждали? Что это за ночной полет в небесах?

– Обычный полет. Вам документы показать?

– Да, непременно.

Диспетчер позвал их внутрь конторы. Катя увидела пульт с мониторами.

– Вот, все документы, – диспетчер достал бумаги из сейфа. – Тут платежки, вы что, все заберете?

– Потом вернем. Так, фирма... название, печать... ну, это еще ни о чем не говорит, – Гушин листал пачку документов. – Так что за ночной полет?

– Я говорю вам – обычный полет. Самолет «Сесна» был арендован, летчик у них свой.

– А куда летели?

– Аэродром «Юг».

– Это где же такой?

– Под Саратовом.

– Саратов? А почему ночью?

– Сам удивляюсь, – диспетчер развел руками. – Но вот у них разрешение. Я что могу? Как заказывают, может, на том аэродроме днем все полосы заняты, не принимают частных.

– А груз, они говорили что-то насчет груза?

– Сказали, что груз небольшой для «Сесны».

– Просили автокар или что-то в этом роде для облегчения погрузки?

– Да, спрашивал тот, кто звонил, я сказал, что мы обеспечим, у нас на аэродроме есть.

– Кто вам звонил?

– Мужской голос, представился менеджером фирмы вот этой, как в документах. Интересно, можно ли арендовать самолет.

– А кто приезжал потом с документами?

– Парень от них. На машине, с кейсом, деляга по виду настоящий. Фамилию мне назвал типа Петров.

– Вы в курсе, что в связи с антитеррористическими мерами правила полетов ужесточены?

– Это раньше было, – диспетчер махнул рукой. – Теперь опять всё успокоилось. Бумаги в порядке, клиенты деньги платят, самолет обязуются обратно перегнать другим экипажем. Залог внесен, страховка оформлена. Чего еще надо?

– Можно вас спросить? – подала голос молчавшая доселе Катя. – У вас ведь есть камеры видеонаблюдения?

– Имеются камеры.

– Тот, кто к вам приезжал, наверняка ведь заснят?

– Конечно, – диспетчер кивнул. – У нас тут каждый день полеты, если погода нормальная. Авиаклубы, просто авиалюбители, уроки летного мастерства и арендаторы. Народ на шоу приезжает, когда парашютисты прыгают. Камеры у нас включены постоянно, это как раз по инструкции.

– Когда к вам приезжал этот «типа Петров»? – спросил Гушин.

– В понедельник. В четверг мы как раз после обеда аэродром закрыли. По договору, они издержки тоже оплатили.

– А чего так рано закрыли, если полет должен был состояться сегодня? В воскресенье ночью?

– Сначала назначали на пятницу, на ночь. Потом позвонили, что, мол, откладывается до воскресенья.

– Кто звонил, «типа Петров»?

– Нет, тот, первый, кто все заказывал. Начальственный такой баритон, на военного смахивает.

– На военного?

– Ну типа того, нет, не военный, просто голос такой командирский. Нам приказано, мы полет отложили, раз они деньги платят.

– Выходит, так они к вам и не явились сегодня?

– Выходит, что так.

– Звонили им?

– Звонил, но мобильный выключен, – диспетчер достал телефон. – И тот номер, что он мне дал, и по этим вот звонил, что на бланке их фирмы, – там телефоны не отвечают, автоответчик лишь пищит. Можете сами убедиться.

– Запиши телефон, – сказал Гушин Кате. – Пленки за четверг и последующие дни мы у вас изыдем.

Диспетчер пожал плечами и кивнул молодому охраннику: организуй пленки полиции.

Диспетчер не казался расстроенным, оно и понятно – деньги, и немалые, за организацию полета остались у аэродрома «Райки», несмотря на то, что полет «Сесны» так и не состоялся.

Глава 9

Амбрелла – пути твои неисповедимы

*Больница эта – край чудес.
Зашел в нее и там исчез...
Граффити-предупреждение на стенах Амбреллы.*

Даня Ключков по прозвищу Даня-Душечка, пока ехал на электричке из родных подмосковных Химок, терзал все свой мобильный, просматривая сайт форума, на котором обычно зависал по вечерам, когда не водил ночные экскурсии.

«Да там сейчас не пройти. Забор, охрана всю палит».

«Ребят, а я бы сходил, может, группа соберется?»

«Днем там не так страшно, но самый экстрим ночью. Дайте знать, я пойду. У меня и фонарь хороший армейский есть».

«Только один не ходи, там неадекватов полно, опасно».

«Ховринка, это где? Я бы сходила, ребят, это от нашего Рыбинска далеко?»

«Ты че, это ж Москва, платформа Ховрино!»

«Ховринка – она в рейтинге самых страшных мест планеты, ребят, так группа собирается в ближайшее время?»

– Остановка «Ховрино», следующая «Моссельмаш»... – Электричка встала на платформе, освещенной фонарями.

Даня-Душечка выкатился из вагона, таща в одной руке рюкзак за лямки, а в другой сжимая мобильный, где только что отбивал сообщение на форум: «группа собирается, идем в ближайшее время, все контакты по этому e-mail».

Двери вагона закрылись, электричка тронулась медленно и важно. Даня-Душечка оказался на платформе один.

Ночь. Фонари горят как бельма.

В такую ночь, когда истинный сталкер собирается нанести визит царице ужаса, ночной Амбрелле, любой свет только помеха.

Даня-Душечка вскинул рюкзак, спустился по ступенькам и зашагал в темноту в сторону промзоны.

Амбрелла, царица ужаса, мать городского экстрима, ну здравствуй, уродина, я пришел, и я тебя не боюсь.

Амбреллой называют старый недострой рядом с платформой «Ховрино», знаменитую Ховринку – заброшенную больницу.

Спроектированная в середине восьмидесятых, построенная на пустыре, по легенде на месте старого кладбища, больница так никогда и не открыла свои двери ни для врачей, ни для пациентов. Строительство законсервировали, а точнее, бросили через три года, когда огромный комплекс, имеющий архитектурную форму тройного креста с разветвлениями на концах, начал трещать по швам, уходя под землю.

Ошиблись в расчетах, грунт не выдерживал монолита Ховринки, больничных корпусов из бетона.

И вот уже много лет заброшенное здание Ховринки смотрит на город слепыми темными окнами.

Почему больницу называют Амбрелла? Так это сталкеры на своих сайтах, мол, на зонт раскрытый сверху похожа, а по-английски зонт – umbrella, и еще игра такая есть компьютерная про подземную лабораторию Амбрелла, полную кровожадных зомби, и голливудский блокбастер сняли с продолжением. И вообще это круто:

«Амбрелла, царица ужаса, мать ночи, я сегодня нанесу тебе визит, я не боюсь тебя. Когда говоришь такое друзьям по институту, чувствуешь себя сразу на вершине мира».

Даня-Душечка подошел к высокому забору из стальной сетки, опутанному сверху колючей проволокой.

Ну да, ну да, это место блюдут. С тех самых пор, как сюда со всей страны зачастили экскурсии «паранормальщиков» в поисках острых ощущений в аномальной зоне, с тех самых пор, как тут произошло несколько несчастных случаев со смертельным исходом, когда туристы падали в шахты лифтов и глубокие ямы, с тех самых пор, когда сюда повадились самоубийцы – прыгать с крыш больничных корпусов и разбиваться о плиты двора, здесь понатыкали заборов, охрану посадили, завели даже злощих собак.

Но что сие для опытного умелого сталкера? Плевок... Только добавляет экстрима и острых ощущений.

Все можно преодолеть, всюду пройти.

Лохи-туристы, например, лезут наобум вот тут через забор со стороны промзоны. Думают, раз здесь пакгаузы и склады, заброшенные мастерские, то вот он, путь.

Нет, группу свою он, Даня, сюда не поведет. И на электричке они не поедут. Студенты Плехановского института, «Плешки», как ее в Москве называют, люди небедные, все на машинах. Поэтому поедут уж никак не на электричке. На тачках и со стороны улицы Клинской.

Что ж, он их там поведет по забору и покажет Амбреллу. Там отличный вид открывается – со зловещинкой, особенно в сумерках, когда последние угли заката догорают в суровых седых небесах, окутанных тучами.

Лохи-туристы также пытаются пролезть на территорию за забор со стороны парка Грачевка. И опять же они ошибаются, там их пачками ловит охрана. Приезжают менты эти, которые полиция теперь, и везут дураков в отделение.

Охрана палит... В этом, суслики вы мои, дети ночных форумов, вы правы.

Охрана палит всюю...

Но у каждого сталкера свой путь в Амбреллу. Даже в такую позднотень улица эта никогда не спит. И всегда полна машин, и кажется, ты тут на виду весь, прямо как на ладони.

А вот и не весь...

Даня-Душечка огляделся по сторонам – кювет, труба коллектора. Пованивает, конечно, но зато...

Десять шагов в кромешной тьме, и вы уже за забором с той стороны.

Здравствуй, Амбрелла, неисповедимы твои пути, мертвая... нет, все еще живая, живая, жутко живая.

Вынырнув из старого коллектора, Даня-Душечка стоял в кустах и смотрел на темную громаду больничных корпусов.

Да, его группа пройдет здесь. Но сначала для крутизны он их поводит вокруг забора, рассказывая все то, что знает про Ховринскую больницу.

Вон то окно... вон под самой крышей. На него падает дальний свет железнодорожного прожектора с платформы Ховрино.

Из этого окна выглядывает порой призрак Студента Без Головы.

А вот та стройплощадка – это все уголья Мертвяков, они вылезают ночами из подвала и резвятся там как дети, играя обглоданными костями тех экскурсантов, которых они тут словили, которые не сумели от них удрать.

Да, не повезло пацанам...

Так он и скажет своей группе, когда они будут пялиться на этот двор – здесь главное везение. И еще надо иметь быстрые ноги и крепкие нервы. Быстро улепетывать, если что-то услышишь...

Ну, типа хррррр... хрррррр... уаууууууу!

Тс-сссс, только ни звука... так он скажет своей группе, только ни звука, у НИХ острый слух и чертовски острое чутье.

Что, испугались?

Так вы еще не видели Двор Крикуна. О, это его охотничьи угодья. И не дай вам бог оказаться в этом дворе на территории Амбреллы после захода солнца.

Даня-Душечка вышел из тени и зажег карманный фонарик. Прислушался. Все тихо – ни собачьего гавканья, ни шагов охраны. И никаких конкурентов-экстремалов.

Лазов внутри тут предостаточно. Но он выберет для своей группы вот этот. Тут еще сохранились лестница наверх и просторный зал, где можно будет немного передохнуть.

Светя фонариком, он вошел в здание заброшенного больничного корпуса. Вестибюль на первом этаже всегда напоминал ему египетский храм Луксор, где он провел незабываемый день.

Но здесь нет статуй богов, зато есть росписи – все стены испещрены граффити.

Больница эта – край чудес...

Зашел в нее и там исчез...

Большой талант это написал. Это как восточная танка – коротенькие строчки, а сколько смысла. Бездна смысла!

Но они не исчезнут здесь, у него иная задача. Он просто должен показать своим клиентам, своей группе настоящий экстрим, показать Амбреллу во всем ее пугающем великолепии.

Он двинулся в сторону правого коридора. Шаггал привычно и уверенно.

И Амбрелла приняла его в свою утробу.

Проглотила с костями, ненасытная.

Мимо платформы «Ховрино» прогрохотал товарняк.

Глава 10

Помощники

«Вроде и не пили вчера, и не гуляли, и по бабам не ходили, а ездили на происшествие. Что ж так все мозжит, двоится-троится в глазах с утра?»

Это Катя услышала на ступенях родного главка – ГУВД Московской области, что в Никитском переулке, от двух хмурых оперов из уголовного розыска, вышедших покурить.

Истина глаголет устами страждущих по понедельникам.

Сама она уж точно не гуляла вчера, и в ресторане выпили они с Сережкой Мещерским сливового вина по бокалу. А потом сразу такие дела – расстрелянные машины на шоссе, взорванный мост, аэродром «Райки».

Как она домой добралась, во сколько? Как доползла до постели потом – ничего не помнит. Мещерский, конечно, ласточка верная, он довез, доставил. И смылся. Наверное, костерит ее, что втянула его во все это, испортила воскресный вечер.

Там же девица какая-то ошивается у него... из Новосибирска, из тайги, крепкий кедровый орешек... а ну и пусть... Или она уже уехала восвояси?

На работу Катя зверски опоздала. На часах электронных в вестибюле главка одиннадцать. Но она ведь с ночного происшествия в районе, ее шеф, начальник пресс-службы, наверняка уже в курсе.

А у КПП на проходной какой-то вялый конфликт.

– Но мне назначено приехать в одиннадцать часов.

– Тогда, пожалуйста, ваш пропуск.

– Но у меня нет пропуска.

– Бюро пропусков за углом, позвоните тому, кто вас вызвал, и вам пропуск закажут.

– Но я телефона не знаю.

– Без пропуска я вас не могу пропустить.

– Но что же мне делать? Мне позвонил среди ночи заведующий нашей лабораторией и сказал, что я должна явиться сюда, в Никитский переулок, в полицейское управление. Что нашу лабораторию срочно подключают к работе. Я приехала, вот она я.

– Обратитесь в бюро пропусков. Вы фамилию помните того, кто вас вызвал?

– Заведующий нашей лабораторией профессор Флинтовский-Питкевич. Вот же у вас напротив вашей полиции тут на Никитской улице Зоологический музей, так его дед был одним из его основателей.

– Простите, я вас про фамилию нашего сотрудника спрашиваю. Кто вас сюда вызвал?

– Откуда я знаю... сказали, какой-то Гуцин. Или, может, не Гуцин, я перепутала.

В словесности упражнялись на КПП двое – строгий неподкупный сержант в форме и молодая женщина в сером.

Катя, порхнувшая было к лифту (и так ведь опоздала), остановилась, услышав фамилию Гуцина. Обернулась, оглядела незнакомку.

Брюнетка с прилизанными волосами, в очках, за которыми бледное личико словно прячется. Никакой косметики, одета в серый костюм – юбка длинновата, под жакетом белая блузка с отложным воротником. На тощеньких ножках балетки. На плече огромная сумка – не портфель для деловых бумаг и ноутбука, а прямо целый чемодан, куда десять ноутбуков уместятся. Сумка так и тянет ее за собой, и девушка (лет этак тридцати) крепко придерживает ее левой рукой, а в правой у нее зажат носовой платок. И когда она объясняется с сержантом на КПП, она отчаянно этой рукой жестикулирует, тыча носовым бумажным платком чуть ли ему не под нос.

– Апчхи!

– Будьте здоровы.

– Апчхи! Простите, у меня аллергия всегда летом.

– Вам надо пройти в бюро пропусков, это вон туда, за угол, оттуда позвоните полковнику Гущину, и вам закажут пропуск.

– Апчхи! Апчхи! Так куда идти?

– Нет, нет, не сюда, выйдите на улицу и поверните за угол, там указатель.

Что-то в этом чихающем без передышки, почти бесполом андрогинном создании, изысканном плаксивым голосом, но с такими нежными вежливыми интонациями, настолько, видно, трогает молодого сержанта (сердце-то ведь не камень) своей непрактичностью, беззащитностью, что он готов на беспрецедентный поступок – оставить на секунду пост, выйти с незнакомкой за двери главка и показать ей, непонятливой...

– Вы к полковнику Гущину? – вмешивается Катя великодушно, потому что не хочет, чтобы чуткий сержант получил нагоняй от начальства.

– Мне сказали приехать к одиннадцати сюда, в полицейское управление.

– А вы, собственно, кто?

– Ева Ершова, я биолог, старший научный сотрудник, работаю в лаборатории профессора Флинтковского-Питкевича...

...Чей дедушка, земля ему пухом, был среди основателей московского зоомузея, который как раз на углу напротив здания ГУВД, из которого вот такими летними днями, когда двери музейные распахнуты настежь, тянет нафталином, как из старого сундука. Потому что там чучела зверей... тарарам...

– Я вас проведу. Пропустите, пожалуйста, я проведу ее в управление розыска к Федору Матвеевичу Гущину, – сказала Катя дежурному.

Любопытство переполнило ее до краев. Это что еще за явление? И когда Гущин успел ее вызвать – сегодня ночью? При чем тут какие-то биологи, когда там расстрел машин и взрыв моста?

– Благодарю, апчхи! – Ева Ершова закивала приветливо. – Как тут все строго у вас в полиции. Впрочем, у нас еще хуже, строже.

– У вас – это где?

– На объекте, в лаборатории. Тут у вас хоть человек на посту стоит, а у нас просто робот пальцы твои сканирует и сетчатку глаза. С ним не поспоришь.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и прошли в пристройку управления уголовного розыска.

– Минуту подождите в приемной. – Катя указала Ершовой на кожаный диван и кресла рядом с кабинетом полковника Гущина. – Я доложу.

– Апчхи! Хорошо, я как раз свежую пачку салфеток должна найти бумажных, – Ева Ершова села на диван, расстегнула молнию сумки и почти нырнула туда с головой. – Никогда ничего не найдешь в этом хаосе.

Катя постучала в дверь кабинета. Голоса за дверью – бу-бу-бу. Ладно, она только доложит старику Гущину, все узнает про эту Ершову, а то смерть как любопытно.

– Федор Матвеевич, доброе утро, я на секунду, там к вам...

– *Obscurum per obscurius*. Это мое правило. Объяснять неясное еще более неясным.

Катя замерла в дверях. Стройная четкая латынь. И это в стенах гущинского кабинета! И голос, латынь произносящий, – звучный, бесстрастный и одновременно с явными нотами превосходства.

Полковник Гущин, скучный донельзя, сидел за своим рабочим столом, а напротив него в кожаном кресле расположился субъект в отличном костюме с моднейшим галстуком.

Ну и чудненько. Вы, значит, из Четвертого управления, еще этот ваш ученый консультант, а меня вот будет представлять капитан Петровская из нашей пресс-службы.

– Ничего не имею против, – сказал Август Долгов. – Раз вы считаете, что полицейский криминальный журналист будет полезнее профессионального сыщика. Вам виднее, коллега. Но, естественно, капитан Петровская должна прямо сейчас дать подписку о неразглашении. Никаких статей, никаких публикаций. Никогда – ни сейчас, ни в будущем.

– Она вам сто подписок даст, – щедро посулил полковник Гушин.

Катя слушала этот диалог. Э, что-то тут... тон у обоих вежливый, елейный, а взгляды молнии мечут.

– Федор Матвеевич, я хотела...

– Сейчас-сейчас, конечно, нам поговорить надо предварительно, – Гушин засуетился. – Коллега, мы на минуту, только обсудим.

Он указал Кате – давай выйдем в приемную.

– Федор Матвеевич, в приемной вас ждет Ева Ершова, как она сказала, биолог, старший научный сотрудник.

– Вот чертова кукла... И эта уже здесь, – Гушин затравленно выглянул в приемную. – Сидит на диване. Прямо с утра обложили они меня, как медведя в берлоге. Екатерина, никогда тебя ни о чем не просил, а сейчас прошу – выручи меня.

– Хорошо, хорошо, но вы мне объясните только...

– Здравствуйте, – тоном Деда Мороза на елке для малышей пропел полковник Гушин, изображая на лице улыбку и подходя к сидевшей в приемной Еве Ершовой. – Простите, что заставил вас ждать. Полковник Гушин Федор Матвеевич.

– Добрый день, – Ева подняла голову, блеснув очками. – Мне среди ночи позвонил мой научный руководитель и сказал, что мне надо приехать в полицейское управление, что вам потребуются наши консультации.

– Спасибо, спасибо. А вы по специальности кто же будете? Зоолог, что ли?

– Биолог.

– Генетик?

– Да. Эпигенетик.

– А изучаете что? Микробов, ДНК?

– Микробы и ДНК разные вещи, Федор Матвеевич, – шепнула Катя.

– Я изучаю голых землекопов, – сказала Ева Ершова. – У вас будет возможность ознакомиться с моей работой при желании.

– Вот, наш сотрудник капитан Петровская Екатерина будет представлять меня и все наше управление уголовного розыска, – вещал Гушин. – Екатерина, молчи. Потом.

– Хорошо, я не против, – Ева Ершова бледно улыбнулась Кате.

– Вы пройдите пока в мой кабинет, располагайтесь там, – Гушин предупредительно распахнул дверь.

Когда Ева Ершова зашла в кабинет, когда Гушин плотно закрыл за ней дверь, Катя спросила шепотом:

– И что все это значит, Федор Матвеевич?

– Дурдом, – тоже шепотом ответил Гушин (шепаться в собственной приемной, это до чего же надо довести шефа криминальной полиции!). – Видела их? Помощнички! А все Большой Брат, чтоб ему ни дна ни покрывки. Ты вчера из «Райков» уехала, а я там до четырех утра в компании ФСБ время проводил. С ними невозможно работать. Это не люди, а какие-то клещи просто. Я понимаю, если бы они в факты вцепились, в улики с места происшествия. Так нет, они вцепились в меня, кровь мою пить стали – что, почему, как, почему поиск на месте так мы организовали, а не сям, почему все не по-ихнему. Я им сказал: у нас дело возбуждено по факту нападения на наших сотрудников, по факту взрыва моста. Остальное – как приложение

пока, раз трупов нет. И коли это пока наша юрисдикция, я буду работу свою строить так, как мне нужно. А не им с Лубянки. Тогда они сказали, что пришлют мне в помощь сотрудника, а также организуют консультации по научным вопросам. А видела, что сделали? Двоих прислали – эксперта и этого федерала из «четверки» Долгова.

– Он что, правда спецгент?

– Четвертое управление, – Гушин поднял палец вверх.

– Я не знаю, что это такое, – честно призналась Катя.

– Зато я знаю, слышал про них. Значит, это о-го-го-го, вот что это такое. Дело очень непростое. И люди серьезные в нем замешаны.

– А что вы от меня-то хотите?

– Я хочу тебя к нему приставить, чтобы ходила за ним как нитка за иголкой, как ты за мной порой ходишь на местах происшествий. Чтобы ты тенью его стала, чтобы следила за ним и мне докладывала, что он там делает и что вынюхивает. И как вообще у него расследование продвигается.

– Но я... я в соглядатаи не гоюсь. – Катя даже обиделась не на шутку.

– Очень даже годишься, хватка у тебя что надо, репортерская, профессиональная. Я уж и так и этак прикидывал, мои орлы его не потянут. Смекалки, опыта у них не занимать оперативного, но ты видела, какой он, этот Август Долгов? Латынью своей щеголяет, интеллектом давит. Моих простаков он, боюсь, облапошит своей латынью. А ты... ты умная, вот и меряйтесь с ним интеллектом. А меня будешь держать в курсе. Очень меня выручишь.

– Ладно, хорошо, рада вам помочь всегда. Но вы меня тоже в курсе держите. Что-то новое по расстрелянным машинам есть?

– Эксперты работают, я вам пришлю результаты экспертиз, как будут готовы. А пока ты сама все узнаешь. Он, этот Долгов, ехать хочет в «Райки» сейчас, делать повторный осмотр. Вот и отправитесь все втроем.

– Но я должна своему начальству доложиться.

– Я сам с тобой к твоему начальнику сейчас зайду. А ты пока вот что, садись тут в свободном кабинете и пиши расписку о неразглашении. Сунем этому умнику из Четвертого управления. – Гушин завел Катю в кабинет, полный оперативников. – Бумагу ей и ручку, быстро. От руки пиши, а не на компьютере своем. Так солиднее.

– Я напишу, не волнуйтесь. Но скажите мне, пожалуйста, кто это такие голые землянки? – спросила Катя.

– Понятия не имею, – несчастным тоном ответил полковник Гушин.

Глава 11

Осторожный выбор слов

В зале для совещаний, отделанном панелями мореного дуба, за длинным столом сидели приглашенные.

Старинный особняк на Софийской набережной высокими светлыми окнами смотрел прямо на Кремль.

Когда-то в особняке давали знаменитые на всю Москву балы, затем особняк взяло на свой баланс Министерство иностранных дел. И вот теперь, заново отреставрированный, сохранивший весь свой шарм стиля ампир, но снабженный современными системами контроля, охраны и комфорта, ставший собственностью государственной корпорации, особняк открывал свои двери только для избранных в особо важных случаях.

За окном – солнечный летний день, мимо Софийской набережной по Москва-реке плывет прогулочный теплоход, набережная Кремлевская на том берегу стоит в пробке.

В совещательном зале шелковые маркизы на окнах опущены, парадные хрустальные люстры под лепным потолком не горят. Мягкий свет струится из стен, освещая большой стол и людей за ним.

Место во главе стола пусто. Сбоку почти на углу (что не слишком хорошая примета) сидят двое молодых сотрудников службы контроля с планшетными компьютерами. Напротив них военные в генеральских мундирах. На другой стороне стола несколько штатских, одетых в деловые костюмы разного качества. У кого-то костюмы очень дорогие, что сразу бросается в глаза, у кого-то дешевые. Тут же сидят министр МЧС, двое академиков РАН, рядом профессор-гляциолог из Петербурга. На дальнем конце стола сидят представители административного секретариата патриархии протоиерей Антоний и иеромонах Василий.

Только что в зале для совещаний, напичканном электронной аппаратурой, гудели голоса спорящих. От людей в дорогих костюмах от Армани, сидящих напротив военных, требовали «немедленного отчета о ситуации». Тот, кто отчитывался, до сих пор еще тяжело дышит, на щеках его горят алые пятна волнения и раздражения.

Ему не дали договорить, его слова потонули в гневном гуле голосов. И вот один из академиков призвал собравшихся успокоиться, замолчать и «трезво все оценить».

Видимо, этим в наступившей напряженной тишине все и заняты.

– Мы же предлагали вам помощь, сколько раз мы предлагали вам отдать это в нашу разработку, – хрипло говорит один из военных, генерал-полковник, он полон негодования. – Так нет же. Вы твердили нам, что это сугубо гражданский проект. А сами за нашей спиной тайком...

– Мы не делали из наших исследований тайны, там работала смешанная комиссия, – ответил генералу мужчина средних лет в сером костюме.

– Вы показывали лишь то, что хотели.

– Сами лучше меня знаете, что объект для демонстрации только один, и он уникален.

– И где теперь этот ваш уникальный объект? – спросил другой военный.

– Вот именно, вы утратили контроль над ситуацией, – сказал министр МЧС. – И до сих пор даже не можете внятно объяснить нам дальнейший сценарий развития событий... возможный сценарий.

– Что у них спрашивать, они сами ни черта не знают и не могут, – вскипел некто в штатском, однако сидящий за столом на стороне военных. – Он нам тут только сейчас пытался внушить, что они вообще снимают с себя всю ответственность, потому что их корпорация обанкротилась. Какого черта вы решили транспортировать это вот так по-идиотски, без надлежащих мер предосторожности, без охраны?

– Мы приняли все меры предосторожности согласно инструкции, и охрана там имелась. Мы, наоборот, всеми силами, не привлекая ненужного внимания, пытались вывезти его с территории столичного региона, обезопасить. У нас есть научные и производственные площади за его пределами. И пока корпорация переживает трудные времена, мы просто хотели сохранить это для будущих исследований.

– Когда их ждать, этих ваших столь многообещающих будущих исследований? – спросил жестко академик РАН. – И вообще чего нам ждать в такой ситуации, когда это утрачено.

– Это не утрачено.

– Это точно не террористы? – спросил министр МЧС у человека в штатском, сидящего на стороне военных.

– Нет, по нашим данным, ни одна из известных нам террористических группировок к этому не причастна, – ответил тот. – Мы работаем в этом направлении.

– Немного легче, так, самую малость. – Министр МЧС хмурился. – Что я и мое ведомство можем в этой ситуации?

– Пока ничего. Тогда на Алтае вы участвовали в поисках, все это получило широкую огласку в печати. Но там все перекрыло собой падение космического аппарата. А сейчас... такого мощного прикрытия у нас нет. И любая огласка нежелательна.

– Но каковы последствия, если... это утрачено безвозвратно? – спросил протоиерей Антоний.

– Вам какой сценарий озвучить, святой отец, хороший или плохой? – спросил генерал-полковник.

– Я бы не шутил на вашем месте, когда речь идет о таких вещах, как тайна творения.

– Святой отец, перестаньте, говорите по-человечески.

– Я говорю, что, возможно, мы соприкасаемся с тайной творения. Для вас это военная разработка, для них вот, – протоиерей Антоний кивнул на людей в дорогих костюмах, – научно-коммерческий проект. Но я призываю вас к осторожности ваших суждений и оценок, осторожности в выборе слов, когда речь идет о тайне творения.

– Святой отец, у вас передача на телевидении христианская, вот там и упражняйтесь в этих ваших библейских словесах, – генерал-полковник откинулся на спинку стула. – Мы тут не ваша паства, и вообще в чем дело... чего выпендриваться здесь, когда речь идет о национальной безопасности?

– Я лишь пытаюсь донести до вас...

– Я не глупее вас. И мы с вами ровесники, Антоний. Оба когда-то ходили в одну нашу советскую школу. Я не верю в нынешних новоиспеченных святош в черных клобуках – в прошлом маршировавших, как и я, под пионерский барабан в пионерском лагере. Понятно?

– Перед тем как поступить в семинарию, я окончил химический факультет университета в городе Ленинграде, – ответил протоиерей Антоний. – И поскольку я химик по образованию, я осознаю, что речь сейчас идет о непознанном. Это не химия, не биология, как это себе представляет наука. Это тайна, которую пока вы лишь наблюдали и которую не в силах объяснить.

– Мы будем исследовать и объяснять, когда объект снова окажется у нас, – сказал человек в дорогом костюме.

– Боюсь, что у вас он уже не окажется никогда, – парировал собеседник тоже в гражданском, но сидящий на стороне военных. – Дело на нашем особом контроле. И после того, как мы это найдем... государственная комиссия решит, кто продолжит исследования.

– Но это наша собственность!

– Если правда то, что мы слышали о природе исследуемого объекта, говорить о праве какой-то собственности на это неэтично, аморально, – сказал протоиерей Антоний.

– Это было лишь передано вам в разработку, считайте, что вы это арендовали, – сказал академик РАН. – Мы тогда однозначно были против, чтобы бизнес вообще в этом участвовал.

Но нам сказали, что государственное финансирование не потянет. А делать проект открытым, с допуском иностранных специалистов, с публикациями невозможно. Вы сами все засекретили и нашли этих болванов из корпорации, а они не только свой бизнес потеряли, но утратили теперь бесценный для науки материал... уникальный образец. Я не верю ни в каких богов, уж простите, святой отец, но я согласен с вами в одном: никто из здесь собравшихся не задает себе вопроса о том, какова истинная ценность этого научного открытия. Каково его будущее значение не только для науки, но и для мира.

– Пока ваше открытие уплыло в неизвестном направлении, – сказал один из военных. – А у нас связаны руки.

– А вы что, хотите объявить чрезвычайное положение в столичном регионе? Вы в своем уме?

– Когда кто-то слишком уж дорожит своей задницей...

– Выбирайте выражения!

– Вы бездействуете и только боитесь одного – огласки в прессе.

– В таких делах от армии никакой пользы, на Алтае от вас было слишком много шума.

– Шума и всей этой вот чертовни не случилось бы, передай вы нам тогда сразу образец.

Его не сюда бы привезли, потому что вам и вашим ученым лень задницу свою с теплого столичного кресла поднять, а остался бы он в нашей лаборатории там, на военной базе, вдали от населенных мест.

– Выбирайте выражения, тут присутствуют духовные лица!

– Армия в свое распоряжение это никогда не получит, – сказал негромко мужчина средних лет в не очень дорогом костюме, сидящий сбоку рядом с секретарями. Перед ним тоже был планшетный компьютер. Он слушал перепалку молча, но больше смотрел в свой гаджет. – Я доложу президенту. Между прочим, у него скоро в его деловом расписании встреча с поляриками антарктической станции «Восток». И это как раз в прессе будет освещаться широко.

Все притихли.

– Ваши специалисты делали прогнозы? Какой наихудший из сценариев развития ситуации? – спросил человек в не очень дорогом костюме.

– Ни о тотальном заражении, ни об эпидемии речь не идет. Все в совершенно иной плоскости. К сожалению, мы до сих пор не знаем, что может послужить катализатором новых необратимых изменений. Как это произошло 24 августа в условиях лаборатории, когда космический аппарат «Прогресс»...

– Оно само, что ли, видоизменяется? Я вот тут ваши отчеты читаю. Мало ясности.

– Оно само... то есть образец и есть катализатор, – ответил премьер-министру в не очень дорогом костюме один из ученых. – То есть возможно. Мы так думаем. Это одна из гипотез. И оно... то есть он, он живой.

Глава 12

Десерт

Подписки о неразглашении Катя в свое время уже давала. Так что набросала изящным стилем, легким пером от руки.

А вот дальше началось нечто необычное.

Катя ожидала, что они отправятся в «Райки» большой следственно-оперативной группой, в составе которой Август Долгов и Ева Ершова просто займутся своей работой (в случае с биологиней пока вообще неизвестно какой). Но когда она спустилась во внутренний двор плавка, оказалось, что у машины ее ожидают лишь Гуцин и Долгов.

– А где остальные? – спросила Катя. – Где все?

– Местные сотрудники с утра уже на месте, – сказал Гуцин. – Там вас встретят.

– А где наш научный консультант?

– Я тут, я в туалете была, – Ева из дверей курилки, выходящих во внутренний двор, помахала им рукой. – А мы надолго едем туда? Если надолго, давайте заскочим в аптеку, у меня критические дни, и мне нужна пачка прокладок, мои все кончились.

От великой этой искренности по столь интимным женским вопросам полковник Гуцин аж крякнул и покраснел, как мальчик.

– Конечно, конечно, не вопрос. Ну, я вас покидаю, коллеги. Вот Екатерина, все, что нужно, все, что потребуется, – к ней обращайтесь, – он прямо неприлично заспешил: – Желаю удачи там, на месте. Позже обсудим результаты... если они будут.

– Я работаю только на результат, – сказал Август Долгов, открывая двери пультом.

Катя втихомолку присматривалась к его авто – вот скверно, что она в номерах ни бумбум. Старина Гуцин там, в «Райках», взял и с ходу определил, что номера расстрелянных машин липовые, то есть старые, изъятые из употребления. А номера вот этого неказистого внедорожника, на котором разъезжает федеральный спецгент из какого-то Четвертого управления, какие они? Можно понять, что это машина ФСБ, или они маскируют это?

Конечно, маскируют... Нет, тут Гуцин дал маху, приставил ЕЕ следить за этим типом. За ним уследишь, пожалуй.

Но поначалу следить оказалось легко. Ехали быстро и молча. Остановились у огромного торгового центра почти у самой МКАД.

– Тут вам и аптека, и все, что нужно, – Август указал на стеклянные вращающиеся двери. – Через четверть часа встречаемся здесь, на автостоянке. Время пошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.